

Серик БАЙХОНОВ

АЛТАЙ – РУБИКОН

Этно-роман

Продолжение. Начало в № 8, 2024.

Глава вторая

ГОРОДОК В УСТЬЕ КАМЕННЫХ ГОР

1

Привыкший к алтайской зимней неспешной жизни, когда можно было выспаться вдоволь, а летом – к птичьему сну, толмач-татарин проснулся от скрипа казенного имущества – старой железной койки. Утренний холод охватил его голые ноги, пришлось закутаться в солдатское накрахмаленное одеяло. Толмач посмотрел в угол, где стояла давно уже потухшая буржуйка. Вспомнились вчерашние вечер и застолье, банкет, который был дан в их честь в Народном доме комендантом крепости.

Да... В их честь. Среди высокопоставленных особ был и он, простой толмач-переводчик. И как он не без удовольствия отметил, дастархан, накрытый в уездном городишке Усть-Каменогорске, ни в чем не уступал по гостеприимству и обилию блюд застолью, которое накрывали в доме губернатора в честь Пржевальского в губернском Семипалатинске. По наказу своих друзей, казанских купцов, он старательно запомнил названия практически всех вин и прочих напитков, которые подавались к столу, а те, которые сложно было запомнить, даже записал на бумажку.

«В Усть-Каменогорске особым спросом пользуются вина и фрукты, поставленные фирмой купца Кривошеина, а также вина местных производителей: коньяк Шустова, ликер Бенедикта и вина Сан-Рафаэль. Вино и сыр Семипалатинска тоже имеют большой спрос. Напитки и спирт компаний «Плещев и К», «Торговый дом», пиво С. Никитина, В. Арефеева. Еще... ведро сорокаградусного чистого спирта стоит от 1 р. 10 к. до 1 р. 20 к.»

Что уж тут говорить о нарядах местных красавиц, приглашенных на празднество: если они и не превосходили модниц знаменитых салонов Казани и Санкт-Петербурга, то уж и не уступали им – это точно. За столом, «распушив многочисленные фалды юбок, в обтягивающих кофтах... сидели женщины и девушки белошее и тонкостанные».

То, что он тоже имел честь находиться за столом, который ломился от шустовского коньяка и марочного токайского вина, жутко льстило его самолюбию. Даже купец первой гильдии Нуриддин мурза, известный не только в Семипалатинске, но и в Казани, лично обратил на него внимание и лично потчевал его. Да... А после обильного ужина, прощаясь, специально приглашенные купцы-татары за руку... да нет, что там за руку, всюю обнимались с ним. Как только Нуриддин мурза узнал, что он является членом тайной военной экспедиции на Тибет, он «нижайше» просил посетить его лавки, что были на другой стороне Иртыша, на меновом базаре. Вспомнив и про это, толмач-татарин чуть не подпрыгнул до небес на своей койке, отчего та отчаянно заскрипела, окончательно пробуждая к реальности.

Да, до чего же приятно отдыхать в таком приятственном, гостеприимном месте, да еще когда тебя обихаживает такой не менее приятственный человек,

как Нуриддин мурза. Ежели верить его словам, то вопрос продовольствия, да и проблемы их начальника, вроде нашли свое решение. А начальник-то каков! Помнится, три года назад их водил на Лобнор вот такой же верзила, замозоленный душой Мырзаш батыр, так этот – сущая его копия. По словам Нуриддина мурзы, вышедший из нынешнего джута совсем голоштаным и обглоданным как баранья лопатка, дочиста, этот верзила уже в течение нескольких дней обретается где-то здесь на меновом базаре.

Сейчас толмач-татарин, лежа на скрипучей кровати и глядя в маленькое окошко, млеет от счастья. Сегодня, наверное, в гудящем, как муравейник, городе, где все встают, едва забрезжит рассвет, а иногда и того раньше, торговля кипит вовсю. А в военном укреплении, где они остановились, тишина. Мысли толмача прервал резкий колокольный звон с церковной колокольни. Как бы догоняя эти звуки, со стороны реки раздался голос воинской трубы, который обычно будил солдат. Как только он раздался, толмач-переводчик, обученный всем премудростям воинской службы для его ранга, не смог уже больше лежать и нежиться в постели. Наспех умывшись холодной водой, он принялся одеваться. На этот раз не стал облачаться в свой старый мундир, а решил покрасоваться в новеньком, с иголки, военном кителе.

Военное укрепление было обнесено земляным валом и сложено из бревен алтайской лиственницы, и отсюда, из крепости, весь маленький городок был как на ладони. Первое, что бросилось в глаза татарину, так это торчащие, словно кольца, башни с куполами. Вон та, которая продолжала всё еще трезвонить колоколами, на медных боках которых играли солнечные лучи, относилась к Троицкой церкви. Далее торчала пожарная башня. А вот и башня Народного дома, где вчера проходила та самая веселая вечеринка. А дальше были видны стены, построенные из серо-желтого кирпича и обнесенные частоколом – мрачная тюрьма.

Это был не первый его визит в военное укрепление, расположенное среди каменных гор. За последние три года маленький уездный городок заметно разросся. На другой стороне Иртыша, который едва освободился от ледяного плена, виднелись крыши деревянных домов – обычная деревня, что располагалась подле военной крепости между Иртышом и Ульбой, спрятавшейся на слиянии двух рек. Это и есть татарская слобода – Меновное, которая появилась сразу же после царского указа.

В очередной раз прозвучал армейский горн. Но в этот раз он взревел не как сигнал тревоги или пробуждения, а как сигнал, созывающий народ начинать торговлю. И вскоре, вынырнув из зарослей прибрежных деревьев, к берегу, на котором стояла крепость, направился паром.

Когда здоровенный, средних лет русский господин со своими людьми в военных формах подъехал к переправе, то там в самом разгаре была шумная разборка между теми, кто стоял в очереди за место. Но с их прибытием ссора прекратилась. Всадники въехали и в без того набитый людьми паром, и он заметно осел в воде. А река Иртыш билась своими серебристо-золотыми волнами о два борта и, казалось, хотела устроить людей своими глубокими водами.

Мимо, чуть ли не впритык к парому, медленно проплыл на своей древней, выдавшей вида ветхой лодчонке преклонного возраста казах. По всему днищу лодки были рассыпаны трепыхавшиеся мелкие рыбешки. Кто-то крикнул ему с парома:

– Осетра сумел поймать?

– Нашел о чём вспоминать – прошли те времена, – огорченно просопел русский старик.

– Да-а... Раньше нас это как-то особо и не заботило, – вмешался в разговор казак. – Прежде, бывало, только закинешь сеть, а она уже набита рыбой. В те времена и сети были на крупную рыбу, а не на чебачков. Тяжелые времена наступили нынче...

2

На меновом базаре, раскинувшемся в открытом поле, недалеко от татарской слободки в допотопной деревянной лавке сидела полусонная с утра разношерстная публика из нескольких человек. Вдруг раздался голос коренастого казаха с огромной, как казан, головой, который до этого тихонько перебирал струны домбры:

– Эй, полоумный, извини, тещу твою за ногу, дервиш, бакшы недоделанный, тебе чтоб пасть свело... Ко сну уже клонит. Оглох, что ли, подай голос, непорочный ты мой.

Дервиш, очнувшись от полудремы, вскинул голову и начал судорожно шарить прозрачными от худобы руками вокруг себя. Нашел, наконец. Из потертого старого коржуна появился на свет черный, изрядно потрепанный временем древний кобыз. Ловко обхватив его между ног и цепко придушив тонкое горлышко хваткой костлявой рукой, взвыл, обращаясь к духам:

– О-у-у... Джинны от Камбара нагнетают... души неприкаянно там обитают...

– Эй, полоумный и непорочный ты наш. Ты кого зовешь? Джинна поганого! Тещу твою за ногу, – ругнулся коренастый казах, снова вальяжно разлегшись на топчане. – Лучше сыграй что-нибудь повеселее!

– Повеселее захотел, батыреке... Тогда... Э-ге-ге-ей, Темиржану привет! Пусть трубит сбор! Из серого железа пусть кует кольчугу... Где вы, десять волков с равнины? Где ты, многопастный волк с низины? Палач свирепый Кондыбай, отец твой лютый Жумабай, весь покрыт ты коростой, среди джинов ты плохой! Это что за времена... Зубастым волкам благодать... А бедная лошадь потеряла стремяна... Кто постиг это до конца!

– Сатана на твою башку! Черное небо накаркал ты на нее, тещу твою!

Неожиданно со скрипом открылась дверь, и в нее с опаской вкатилась молодуха.

– Пришли! Они... Они... – вопила она.

Плачущий кобыз в руках дервиша-бакшы взвизгнул и замолк.

– Кто?! Кто пришел, егетляр?!

– Военные... С ружьями.

Поднялась суматоха. Все вскочили: и Нуриддин мурза – хозяин лавки, и Керей Буланбай – делдал, тот самый незаменимый при торговых сделках посредник. А дервиш-баксы сжался в комочек, не зная, куда девать свое маленькое тельце. Не вздрогнул и остался лежать на своем ложе только коренастый казах, притупив свои глубоко посаженные глаза.

– Эй, катын... Не визжи как резаная, готовь свою стряпню, тещу твою! – сказал он, вытаращив на нее глаза, и так же вальяжно повернулся на другой бок.

Видели бы вы лицо Нуриддина мурзы, как он суетился и нервничал, не зная, куда посадить внезапно прибывшего с солдатами-нукерами высокого гостя, того самого друга величества белого царя, и вчерась вечером в Народном доме сидевшего рядом с ним, с простым иртышским купцом за одним столом.

– Астафиралла, Астафиралла! Кто мог подумать, что нагрывают спозаранку. Какова готовность, Мырзеке? Этот бугай ест за десятерых... – сказал он ему и затем перешел уже на шепот: – Кстати, как же нам быть с бараньей головой, а он, случаем, не мусульманин?

– Какой он тебе мусульманин?! Сам же видишь, что обликом не походит на здешних русских. Знаю только одно: он за одним столом с самим... с самим Его Высочеством белым царем сидел. Видишь, кто сидит рядом с ним? Это его ден... телохранитель.

– Какое же у этой шельмы неверной жуткое лицо! Внешне этот телохранитель как будто смахивает на наших татар, что ли?

– Какой тебе татарин?! Такой же, как и ты, калмак. Станешь признавать его родословную, может, и родственником твоим окажется.

– Тоже мне, родственничек выискался, тещу твою разэдак. Мы же ведь их всех поголовно отсюда аж до Астрахани вытурили. А кто остался здесь у нас, те к нашим найманам слугами подмазались-пристроились. Ты лучше скажи, что там с барашком, которого разделали...

– Что Аллах послал... Барашкина голова никуда не денется, – с уверенностью в голосе сказал Керей Буланбай, оглядываясь в сторону двери.

Он то и дело украдкой изучал, рассматривал лицо высокого гостя, заглядывая в его насмешливые голубые глаза, и наблюдал за малейшим движением его густых шевелившихся усов. Шевельнет он усом, тут же мурза был готов исполнить его желание, желая угодить ему во всем.

Здоровенный русский офицер, подойдя к лавке и чинно присев на деревянный топчан, который прогнулся под тяжестью его тучного тела, в первую очередь посмотрел на своего телохранителя и кивком головы подал тому знак. Тот надел вытащенную из дорожной сумки белую марлевую повязку на лицо, а после начал раздавать такие же маски нескольким своим спутникам.

– Астафиралла, обычно люди перед тем, как поест, вначале обнажают рот, но где же это видано, чтобы прикрывал его платком?

Услышав это, крепко сбитый коренастый казах, разлегшийся до этого на маленьком топчане, занимая чуть ли половину всей его площади, поднял свою голову с подушки.

– Они боятся инпекции, тещу твою раз эдак, – сказал он и вытаращил свои глаза.

– Эй-х, в эти худые времена, пока цела твоя стремена, увидишь то, что не поймешь, а следом тотчас и умрешь... – завелся дервиш, трясясь головой, как в лихорадке.

– Алдиярыч?! Какими судьбами?!

– Здравсти, начальник. Цел ли скот, жива ли, здорова семья? На кого же оставил своих баранов, коз да лошадей?

– С какого это ты перепугу про баранов у меня спрашиваешь, Алдиярыч?! Я пока занимаюсь всё тем же...

Когда они крепко обнимались друг с другом, Нуриддин мурза, увидев, что в синеватых глазах русака, выглядывавших из-под густых бровей, вспыхнули искорки искренней радости, а кончики по-щегольски закрученных усов при этом шевельнулись, удивленно вытаращил свои глаза.

– Да ладно, начальник. Я разве не знаю, что всё свое состояние ты возишь повсюду в своем сундуке? А как поживают твои матрешки-батырешки, непорочный ты мой? Лицо вон под самую переносицу под повязкой прячешь, часом не усть-каманские ли полоумные бабы тебе его исцарапали?

– Что за чушь ты несешь, Алдиярыч? А до матрешек руки никак пока не доходят.

– Вот как? До нас дошли слухи, будто ты сосватал дочку самого генерал-губернатора. А зачем тебе генералша? Помнишь, в тот раз я хотел тебе сосватать дочку укирдая из Ганьсу. Из этой девахи-укурдайши получилась бы отличная и покладистая жена, тещу твою за ногу...

Улучив момент, Нуриддин мурза прошептал толмачу-татарину:

– Я-то думал, что ты придешь один. Мог бы и предупредить заранее, что сам Пржевальский соизволит посетить мою бедную лавчонку. Я бы заказал вино, да, да, французское вино с лавки плешивого Плещеева.

– Уважаемый, нашему гостю в его экспедиции до Тибета нужен проводник, а не вино. Вот сейчас они договорятся... Ну, что можно сказать о нем? Неприхотлив, не так строг, в отличие от некоторых, если не считать, что крут с теми, кто не дурак выпить.

– Еще вчера я заметил, что пил он только минеральную воду, и грешным делом подумал, уж не болен ли генерал? А может, он мусульманин? К тому же еще и по-казахски понимает?

– Конечно, конечно, мурза. Ясное дело, понимает. Не то что по-татарски, но и на английском да французском, на казахском и арабском чешет.

– Когда к нам приходит такой кунак, то мы всегда рады. Я хотел сказать, как же нам мурзу осчастливить?

– Чтобы осчастливить его превосходительство мурзу, нужны верблюды, много верблюдов, очень много, – сказал толмач-татарин, украдкой любуясь молодухой, которая хлопотала, накрывая дастархан. – Нужны большие-большие верблюды с горбами, как груди вон у той бабы.

– Ты о чьих там грудях толкуешь, тещу твою?! Хочешь, мигом схвачу тебя за твою тонюсенькую шею и голову тебе оторву, поганец, – заорал на него Мырзаш. При этом глаза его мгновенно налились кровью.

– Довольно, ну, хватит, хватит, батыреке... – с мольбой в голосе обратился Нуриддин к Мырзеке, а затем вернулся к разговору с толмачом-татаринном. – Нынче торговли нет. Караваны из Бухары и Коканда запаздывают. Со всем скотом казахов, зимующих в Калбатау и у Балхаша, полностью покончили. Ну, раз уж вы пришли ко мне, то, если пожелаете, покажу вам базар. Мы всегда говорим: «Добро пожаловать!»...

То, о чём говорил Нуриддин, оказалось сущей правдой. На всём огромном базаре не нашлось не то что никакого скота, но даже и живой мыши, а чего было в изобилии, так это дров и шкур. Что касается шкур, то это были вонючие, навьюченные на старых, дряхлых, ужасно отощавших атанов – холощенных верблюдов-самцов и нагруженные на телеги, в которые впрягли меринов с костлявыми шеями и гноющимися глазами. Смердящие шкуры и большие вязанки та-мариска да сгорающего, как спички, хвороста. Ничем не лучше своих вьючных животных выглядели и их хозяева – казахи с окрестных аулов. На них были выдавшие виды ветхие чапаны, полы которых развевались, словно тряпки, губы и кожа на лицах у бедолаг были потресканы и обветрены, сами угодливо, чуть ли не под ноги стелились перед проходившими мимо русскими и с отчаянием в голосе предлагали им купить свой товар.

– Всё, всё понял, егетляр... Добро пожаловать к нам в любое время дня и ночи! Добро пожа-а-ловать. Для вас всегда открыты двери моей лавки.

Весь базар состоял из торговли шкурами и дровами. Да и дровами это было трудно назвать – сучковатые вязанки да полусгнившие пни, выкорчеванные в лесу. В древнюю скрипучую телегу был запряжен старый, едва волочивший ноги верблюд-самец с гноющимися глазами, а рядом с ним был запряжен такой же старый, с понуро склоненной головой, дряхлый конь. Да и вид людей, что торговали дровами, был немногим лучше.

– Дрова!.. Продаю дрова!.. Сухие дрова!

– Метелки!.. Продаю метелки!.. Высший сорт!

– Да зачем людям дрова, если они живут среди лесов?
– Меняют их на мерзлый картофель. А захудалого барана отдадут и за ведро спирта. Может, спирту подать, мырзеке?

– Мурза, повторяю, наш бастык особо не придиричив, – вмешался в их разговор татарин-толмач. – А вот насчет водки строг – спуску никому не даст. Почитай, почти всю жизнь в Сибири провел. Да и характер у него суровый, как сама Сибирь. Если, не дай Аллах, прогневать его ненароком, глазом моргнуть не успеем, как в Сибирь сошлют... на каторгу.

– Вы сказали «Сибирь»?.. Астафиралла!

Стараясь показать остальным свою грамотность, толмач-татарин достал из кармана кителя бумажку и ручку и принялся записывать свои наблюдения.

– Видать, цена на баранов достаточно высокая... – И дальше уже вслух продолжил: – Что значат два ведра спирта? Мелочь, конечно. Но интересно, а что они собираются делать со спиртом?

– Не могу знать. Может быть, пить...

Что-то внутри перевернулось, едва он услышал ответ. А если подумать, то всё просто. Ведро спирта стоит 1 рубль 10 копеек. Что составит 12,5 литров или же 25 бутылок водки. Один баран стоит 3-4 рубля. Значит, одного барана на меновом рынке можно купить за 90 бутылок водки. 90... Это что же получается? По крайней мере ползимы можно жить припеваючи. Эй, милейший, да что же ты стоишь как истукан? Закинул бы вон того барашка в телегу, и на базар.

Весь рынок буквально провонял гниющими бараньими и лошадиными шкурами.

– О боже, что за вонь? – бормотал начальник таможни, закрывая рот руками. – Кто разрешил продавать шкуры с дохлятины? Немедленно под арест... Если нет скота, откуда берут столько шкур, мерзавцы? О боже!

– Не могу знать... Возможно, собирали и подсушивали шкуры с осени, после забоя в прошлом году.

У толмача-татарина внутри всё содрогнулось. Что бы ни говорили, а сегодняшний базар не был похож на Семипалатинский, ни тем более на Казанский рынки. Не видно ни скоморохов, ни гармонистов, которые обычно веселились и развлекали народ. Увидев на боковой стене лавки надпись: «Продаю кумыс», подумал некстати: «Откуда кумыс зимой-то? Или всё же намастерились степняки и в зимнее время доить кобыл? С них станется...» Как бы дополнением к его мыслям был и вид пошатывающихся полупьяных людей в островерхих ушанках и лисьих тумачах, которые бесцельно бродили по всему рынку.

– О боже! Какое вонючее это место, – вновь пробормотал начальник таможни, зажимая нос рукой в хромовых перчатках.

– Воняет... Хотя бы как положено обработали. Совсем уж непригодный к торговле народ эти казахи. Не умеют, как мы, придавать товарный вид вещам, выставленным на продажу. Не знают, как это сделать.

Керей Буланбай, поняв смысл слов Нуриддина мурзы, резко повернулся к коренастому казаху.

– Вроде бы ты говорил, что есть у тебя обработанная лошадиная шкура. Почему жалеешь, батыр? Для чего её прячешь?

– Шкура, говоришь, непорочный ты наш? Ты посмотри-ка, забыл... Забыл я. Марфа! Марфажан, принеси-ка ту шкуру...

Тут же в лавку зашла женщина, прижав под мышкой завернутую в рулон лошадиную шкуру.

Роборовский, осмотрев шкуру, сказал:

– Небольшая была по размерам лошадка.

- Это не лошадиная, а телячья шкура.
 - Натуральный ишак.
 - Пусть вытекут мои глаза, если когда-нибудь я видел такую лошадь, – сказал Роборовский, бросая шкуру перед Пржевальским. – Сенсация! Это вроде новая порода.
 - Помнишь о дикой лошади, встретившейся нам в Лобноре? – спросил Пржевальский, повернувшись к денщику. – Галые лошади, помнишь?
 - Не галые, а пегие, ваше благородие. Вообще, лошади способны ежесезонно менять цвет кожи.
 - Ты не путай лошадей с хамелеоном.
 - Не верьте ему, Ваше превосходительство, – горячо зашептал толмач-татарин в ухо Пржевальскому. – Этот безбожник может менять цвет любой лошади.
 - Что за черт? Может быть, он покрасил эту шкуру? Каналья.
 - Его благородие хочет знать, каким образом меняют цвет кожи, батыр!
 - Хочешь научиться, тещу твою за ногу? Пока я не раздумал, пусть лучше рассчитается за товар, недоделанный, тебе чтоб пасть светло. Ко сну уж клонит. Оглох, что ли, подай голос, непорочный ты наш.
 - Цену скажи, – буркнул Пржевальский.
 - Какая цена? Достаточно, если сможете оживить, начальник.
 - Над кем издевается этот степняк? Я разве похож на колдуна, чтобы оживить мертвую лошадь?
 - Меняю на живую лошадь, начальник.
 - Живую, говоришь, лошадь? Тогда нет проблем, – воскликнул Пржевальский, поворачиваясь к начальнику таможни. – Мигом приведите коня. А эту интересную шкуру с неизвестного животного надо отправить в Русское географическое общество в Петербург, для экспертизы. Это – приказ, вы поняли меня, поручик?
 - Так точно, ваше благородие.
 - Думаю, теперь пора и назначить цену за всё показанное здесь. А также во сколько обойдутся нам его услуги проводника по этим труднодоступным горам? Может быть, тебе деньгами заплатить?
 - На что мне твои паршивые деньги, тещу твою за ногу... – уверенно ответил казах, – грязь, липнущая к рукам.
 - Тогда, может, возьмешь лошадью? Сейчас тебе её пригонят.
 - Да видели бы вы, непорочный вы наш, скольких коней я сварил в своем задымленном казане?
- После такого ответа ни Пржевальский, ни толмач-татарин не могли уразуметь, что же нужно этому черному, как закопченный казан, казаху. И только когда он, наклонившись, прошептал на ухо толмачу-татарину, что он ищет, тот, не поверив собственным ушам, свалился на землю, зайдясь в хохоте. Тогда казах тут же схватил татарина за шкуру, изрядно встряхнул его, при этом всё время повторяя: «Матрешку... матрешку давай, енеңді...» Толмач-татарин смеялся до тех пор, пока у него на глазах не выступили слезы. От этого ехидного смеха будущий проводник пришел в еще большее бешенство.
- Наконец толмач, прервав смех, едва выговорил:
- Просит, чтобы вы ему дали матрешку.
- Так и не поняв, чего же хочет Алдиярыч и при чем тут матрешка, Пржевальский завертел головой, глядя то на белого от злости казаха, то на хохочущего, согнувшегося в пояс от смеха татарина. А когда, наконец, он понял, чего именно хочет этот казах, громко рассмеялся.
- Вот черт старый. Седина в бороду, бес в ребро. Да на что ему молодая жена, да еще к тому же русская?

– Говорит, что жена старая, поэтому молодуху хочет.

Когда приступ хохота прошел, Пржевальский задумался. То, что в далекой России молодых девушек на выданье было достаточно, это правда. Однако где же он мог найти такую девицу среди этих беглых и ссыльных? Среди них женщины были все заняты, а молодых так и вовсе не было. Да и кто согласится выходить за такого старого, непонятно какого нрава степняка? Тем не менее опытный проводник предстоящей экспедиции был необходим. Кто лучше обитателя этих гор и лесов годится в проводники?..

Обедать решили тут же, в юрте мурзы. После бешбармака и нескольких стаканов горького Мырзаш взял в руки домбру и начал напевать. «Женившись на казашке, станешь как лунь седым. Женившись на русской, будешь есть борыш. Женившись на калмычке, лежать тебе, как хану...» – пел он песню, ловко подыгрывая себе на двухструнном инструменте. Внимательно слушая его, Харитон вымолвил:

– Мырзеке, при чем тут борыш? Не борыш, а борщ. Это суп такой.

– Да знаю я, тещу твою. Марфа сварила. Жидкий, жидкий такой, что при виде его желудок воротит. Я то говорю про борыш, значит долг, мать твою.

– Дело не в борще, главное, русские женщины приходят в дом мужа с богатым приданым.

– Ну, а я про что... Меня интересует не приданое, хотя оно тоже будет не лишним.

Как бы спрашивая, о чем это они, Пржевальский вопросительно взглянул на татарина.

– Да они же родственники, по их разговорам выходит, что Харитон его шурин. Вот он и изливает ему душу. Говорит, что жена его, калмычка, постарела.

– Не знал, что калмычки здесь котируются. А то взял бы с Астрахани целый обоз калмычек. А может, женить его на молодой калмычке?

– То, что у них калмычки особо котируются, это сушая правда. Ведь испокон веков у них заведено привозить жен из военных походов, из пленных, – попытался объяснить традиции казахов толмач-татарин. – Поэтому у многих казахов жены – калмычки.

Конечно же, Пржевальский всё понимал. Глядя на этих двоих, один из которых изливал душу, а второй молча слушал, время от времени вставляя несколько фраз, он всерьез задумался. Пришел к мысли, что они, русские интеллигенты, учреждающие свои законы и правила на этой земле, плохо знают обычаи, быт и культуру кочевников, коренных обитателей Алтая. А надо бы знать лучше, подробнее, чтобы им, коренным жителям этих земель, была действительная польза от нововведений. В частности, он сам, путешественник, российский офицер, исследователь этих мест, плохо знает истинную историю этого края – то, как и чем жили предки казахов, калмыков, алтайцев...

Единственное, что запомнилось, это история конного полка, сформированного из кочевников. Да и кто же из русских историков не знает о доблести и отваге казахского и калмыцкого полков, которые еще при императрице Елизавете в составе русской армии галопом прошли по Европе аж до самого Берлина. А во время французской кампании калмыцкие и казахские сарбазы были награждены орденами и медалями, участвовали в изгнании войск Наполеона за пределы земель русских и дошли до Парижа. И по сей день Его Величество белый царь с превеликим уважением относится к этому народу за его былые заслуги перед Российской империей. Пржевальский давно уже перестал удивляться тому, что Харитон, прослуживший последние годы в Европе, в странах, которые признали приоритет, силу и власть России, знал несколько языков. Од-

нако, когда тот заговорил с казахом, тем более с иноверцем, его особо удивило, что калмык-степняк, столько лет находившийся на службе в русской армии, говорит на родном языке степняка.

В сущности, как ученый, изучающий точные науки, он всегда с иронией смотрел на тех, кто занимался философией и языкознанием. Потому что, например, философия и филология, как бы эти слова громко ни звучали, исследуют нечто абстрактное, то есть то, чего нельзя увидеть глазами и пощупать руками. Было в этих науках, с точки зрения опытного естествоиспытателя, географа и биолога, что-то неестественное, неосязаемое и поэтому несерьезное и непонятное.

Дервиш, всё это время сидевший, сжавшись в комочек, почувствовал, что дородный русский находится в хорошем расположении духа, и вновь принялся насиловать свой кобыз.

– Лә иллаһа иллалла, иллаллада лайла бар, мұндай торе қайда бар? Не сыщется такой торе нигде, подобен грозной он стреле, и повсюду и везде, он хозяин каравана, он защита и оплот тех, кого с собой ведет... Но когда я пою, почему он не встает?!

– Эй, поганец! Ты чего тут несешь про русского бугая, тещу твою за ноги?!

Увидев, что телохранитель русского офицера направил на него свое ружье, дервиш сразу изменил интонацию своей импровизации.

– Лә иллаһа иллалла, иллаллада лайла бар, көрмеген жерде пайда бар. Выгода в краю вас ждет большая. Путь лежит туда во мраке, спутников ты выбери надежных. Лә иллаһа иллалла...

– О чем базар? – спросил Пржевальский, вперившись взглядом в татарина.

– Лә иллаһа иллалла... Иллаллада лайла бар, көрмеген жерде пайда бар. Барар жерің қараңғы, жолдасыңды сайлап ал... Лә иллаһа иллалла...

– О чем базар?

– Ваше... он тут такую ахинею про вас несет, упаси Господи. Кажется, недоволен тем, дескать, «почему, когда он поет, вы с места не встали», потом предупреждает, чтобы вы в пути не слишком-то доверяли вашим подчиненным, Ваше... Ваше благородие!

– Вот уж, наглый пустозвон! Отведите-ка его вон в тот овраг и расстреляйте!

– Начальник, да хвалит он вас, мол, здесь нет знатнее вас никого. – Мырзаш степенно повернулся к дервишу и надменно сказал ему: – Этот его телохранитель запросто пристрелит тебя. Ты бы уж лучше не скупился на похвалу, тещу твою!

– Так это мы запросто... сейчас до небес вознесу. Лә иллаһи илла-Алла... На мундир его взгляни, весь сверкает будто золото, голова – ума палата... – А затем, переведя свой взгляд на Мырзаша, обратился уже к нему: – Как только ему сослужишь службу, тебе сосватает он в дружбу какую-то красную девицу... не станет же рядиться-мелочиться!

– Какая служба?! Какая там, ядрит тебя в корень, девица?! Ты, случаем, не о Марфе говоришь?

– Если ты Марпу выбрал, батыреке, возможно, про Марпу. Мало тебе, видно, двух жен ублажать, так ты еще в проводники к обросшему густой щетиной, неизвестно какого роду-племени неверному нанялся.

– Откуда тебе, негодному, знать, кто для кого здесь проводник? Упаси Боже от таких, как ты, у кого ни кола ни двора! Кто ты такой, чтобы о кенерале судить, или же тыншы, чтобы за мной следить, тещу твою за ноги... Выходи один на один!

– Чего они тут затеяли? На их языке, кажется, «тыншы» – это сыщик по-нашему или как? Чего не переводишь, мать твою?!

– У них есть такая традиция выходить на поединок не с оружием, а со стихами, Ваше благородие! Они это, значит, айтысом называют.

– И какую же чушь они, черт побери... я имел в виду, о чем же они тут говорят?

– Известное дело о чём... Вначале ищут лошадей. Потом женщин. Когда набьют брюхо, то бабу им подавай.

– Каких лошадей... Каких еще женщин?

– Коней, что с места в карьер срываются. Они так говорят о наших рысаках.

– Забавно. Ведь они всё больше иноходцев ценят, а к рысакам как будто и вовсе равнодушны, черт бы их всех побрал.

– Потому они и говорят: «Тем, что уже имеешь, бахвалиться грех», Ваше величе... нет-нет, Ваше высочество.

– Как понимать – «бахвалиться грех»?

– В смысле что «хорошего много не бывает», Ваше высочество!

– Губа не дура!

Удивленно покачав головой, гренадерского роста Пржевальский стал внимательно прислушиваться к развернувшемуся снаружи «поединку» дombra и кобыза...

3

Вместе с приездом Его благородия Пржевальского в далекий военный гарнизон, что располагался в устье каменных гор, холодной весной 1879 года пришла и сама Масленица. Немногочисленные жители маленького алтайского городка за несколько десятков лет обитания здесь уже успели поделить на богатых и бедных, на различные социальные сословия, как и всё население России. Люди занимались животноводством, огородами, торговлей, бедные семьи, трудно пережив суровую зиму, сейчас шумно праздновали долгожданный приход весны. Масленица была в самом разгаре.

«Шумно проходила Масленица – “проводы зимы”. Жители города на протяжении всей недели пекли блины, их можно было увидеть на столе в каждом доме. Угощение блинами сопровождалось выпивкой, шумным весельем, песнями и плясками. Добрые хозяйки и те, кто не считал зазорным для себя заниматься благотворительностью, разносили испеченные блины в приюты, больницы и тюрьму. Примечательно, что этот обычай нашел отражение в особых названиях каждого дня масляной недели: понедельник – “встреча”, вторник – “заигрыши”, среда – “лакомка”, четверг – “разгул”, пятница – “тещины вечеринки”, суббота – “золовкины посиделки”, воскресенье – “проводы”».

В этот день у толмача-татарина забрезжила надежда завершить порученные родственниками из Казани дела: если их перепоручить Нуриддину мурзе, они могли бы обрести желательный оборот. А к кому же он мог еще обратиться, как не к нему, ведь это один из самых влиятельных и состоятельных алтайских купцов.

Он едва дождался захода солнца, и как только стали сгущаться сумерки, нанял тарантас и поехал к Нуриддину мурзе. Он слышал, что дом того находится где-то на краю городка, и сытые лошади, разбрасывая комья грязи по сторонам дороги, быстро помчали его к дому купца. Свет ночных фонарей достаточно ярко освещал кривые улочки городка, при этом свете дорога была видна хорошо. На вечерних улочках ему встретились несколько человек, разные люди: татары в цветных бориках и казахи в лисьих малахаях. Похоже, что в прошлом пившие только кумыс, теперь казахи тоже научились пить горькую. Да и как тут не привыкнуть, в такие лютые морозы!

В доме у купца собрались почти все татары, жившие в этом маленьком городке. Тема предстоящего разговора была следующей.

Положение в России было не в пользу татар. Особенно остро стоял вопрос о налогообложении и землепользовании.

«...Не выходить за границу выделенного надела, косить в устьях рек сено запрещено, а отдавать детей для армейской службы обязаны. К тому же, при всем этом срок службы мог затянуться на несколько лет. И все нуриддины и фахрутдины терпели и терпят всё это и по сей день...»

«...Все эти деревни, да и не только они одни, страдали из-за подобных законов. Подобные мучения, словно эстафета, передавались от старшего поколения к младшему. Однако среди притесненных людей витала идея переселения в далекие края, наподобие переселения на Алтай...»

«В результате падения Казанского ханства всё его население, вернее, всё, что осталось от него, сполна испило чашу горечи. Ко всему прочему, в результате карательных набегов Ивана-кровопийцы и без того поредевшее население потеряло больше половины своих людей. Это означало, что назрела опасность полного уничтожения нации. И неважно, что прошло один, два или три века, однако отголоски прошлого эхом отдавались нынешнему поколению. Молодежь растет. А старшее поколение до сих пор не может избавиться от рекрутского ярма. И мы не хотим, чтобы наши дети одевали такое же ярмо, среди них и мой сын Хамидулла! Мы не хотим, чтобы они продолжили дела, начатые Иваном-кровопийцей. Мы должны породниться с казаками. То, что они нас примут, это бесспорно, так как у нас один язык, одна вера...»¹

Как понял толмач-татарин, основной головной болью татарских купцов являлись не трудности, связанные с торговлей, а сама политическая обстановка в Российской империи, если говорить точнее, рекрутские призывы молодежи на службу в царскую армию. Крещеных татар призывали в армию наравне с русскими.

Толмач-татарин в начале собрания настороженно вглядывался в незнакомые лица, сидел молча, пытаясь получше изучить своих собеседников. И как только он понял, что его братья в курсе всего происходящего во внутренней России, в Казани, он позволил себе вставить реплику:

– А что тут плохого, что наших джигитов берут в рекруты? Даже наоборот, это же хорошо, молодой солдат всегда сыт, обут, да к тому же увидит новые земли, новых людей, и себя покажет.

– А что хорошего в том, что они возвращаются домой к семье, к родителям и женам спустя много лет?! Вот возвращается он домой, а его дома жена его уже с шестилетним ребенком или, хуже того, с внуком на руках³. Что же в этом хорошего?!

– Где справедливость? Казахи уже сто пятьдесят лет в подданстве у России, а в армию их не берут.

– Да дались вам казахи! У них совсем другая жизнь. Поди, попробуй, сосчитай их в этой огромной степи. Сегодня они здесь, а завтра поминай как звали.

¹ Материалы, касающиеся переселения татар в Восточный Казахстан, в полном объеме представлены в книге М. Мусина «Волга впадает в Иртыш» (Усть-Каменогорск, «Медиа-Альянс», 2007).

² В 1860-е последовало дальнейшее сокращение срока действительной службы, так называемой рекрутской службы, путем увольнения во временный отпуск. Ко времени введения устава о воинской повинности 1874 года нижние чины состояли на действительной службе около семи лет.

³ Если учесть, что призывной возраст для рекрутов был определен от 20 до 35 лет.

Сам царь-батюшка не нашел на них управы. К тому же у них договоренность с русскими, что они, степняки, не будут воевать на стороне России. Поэтому их молодежь и не призывают в армию. Сам царь-батюшка...

Как только разговор зашел о царе, все встрепнулись.

– На сегодняшний день во всей Европе ни один народ, ни одно государство не может противостоять нашему царю. Поляки – не в счет. А сколько почестей было оказано калмыцким джигитам, когда они первыми вошли в столицу Германии?!

– Да эти калмыки не раз бегали от своих соседей, китайцев. Да и от казахов крепко им досталось. Похоже, вы не шибко разбираетесь в истории⁴.

– Ну, если чего не понял, прошу извинить меня. А что касается службы у русских, так я вот служу, – сказал толмач-татарин и продолжил: – Почти до офицерского чина дослужился. Если я в этот раз вернусь живым и здоровым из экспедиции, то думаю, и мне кое-что перепадет. Повысят в звании. А что? Чем я хуже того же Харитона?

В разговор вмешался доселе сидевший молча, черный, как сама ночь, толстяк.

– Станный он какой-то на вид, этот твой Харитон. Глаза навекат, сухой, как жердь. Как только я его увидел, подумал было, а не керей⁵ ли он случаем.

– Какой там керей? Настоящий калмык, торгоуыт⁶. Наш Пржевальский и шагу не ступит без меня и Харитона. Без нас он как без рук, вы что же думаете, зря, что ли, он взял нас с собой на Тибет?

Почувствовав, что привлек внимание собравшихся здесь купцов, толмач-татарин решил высказаться до конца:

– На самом деле нашего царя-батюшку не интересует никакой Тибет. Его больше занимают узкоглазые⁷. Так вот они, после того как калмыки оставили Алтай, положили глаз на эту землю. Я лично поддерживаю Нуриддина мурзу в том, чтобы перевезти наших собратьев сюда – это верное и мудрое решение.

Сход закончился уже за полночь. И, похоже, решение о переселении многих татарских семей из центральной части Российской империи на Алтай было принято окончательно. Когда прощались, тот самый темноликий молчун отвел его в сторонку и сказал:

– Если вдруг в тех краях увидишь наших единокровников, передавай им большой привет. Скажешь: «Сезгя Керей Буланбайдан сялям⁸», все поймут. Кто его знает, как повернется наша судьба в нынешнее зыбкое, как песок, время.

Нуриддин мурза в свою очередь сказал:

– Правду говорит Керей Буланбай. Кто его знает, как пойдут у нас дела. Поэтому, путешествуя по тем краям, не забывай о земельном вопросе. Может, что и выгорит...

⁴ В 1807 году Наполеон создал на землях Пруссии зависимое от Франции Варшавское княжество, большая часть которого по решению Венского конгресса 1814–1815 годов вошла в состав России (Царство Польское) и находилась в зависимости от нее до 1918 года.

⁵ Керей – одно из шести племен (аргын, керей, кипчак, найман, уак, конырат) Среднего жуза казахов. Керей в Казахстане состоит из двух крупных родов – абак и ашамайлы. Входят в состав казахов, крымских татар, узбеков и ногайцев.

⁶ Ойратское племя, входившее наряду с дорбытами, кушуытами и чоросами в середине 30-х годов XVII века в единое государство – Джунгарское ханство, которое просуществовало с 1635 по 1755 годы, когда было покорено и почти полностью уничтожено Маньчжурской империей Цин.

⁷ Речь идет о китайцах.

⁸ «Привет вам от керей Буланбая!»

За полночь, усевшись в бричку, любезно предоставленную Нуриддином мурзой, толмач вернулся в казарму. Всю дорогу что-то заставляло его оглядываться, какое-то муторное чувство, словно что-то забыл. Еще недавно во время собрания он поймал на себе чей-то пронзительный взгляд, сверливший его из-под надвинутой по самые брови и уши шапки. Это был совершенно незнакомый ему человек. Возможно, он где-то его видел? А может быть, даже мимоходом встречал его где-нибудь? Но когда?...

Как говорят русские: «Масленица широкая, масленица просторная, блинная, масляная, красная». Большой праздник всё же. Народ, всю ночь напролет гудел неутомно, не зная ни усталости, ни покоя.

В этот праздник возводились ледяные, потешные городки; «...то там, то здесь слышались звуки и переливы гармоника, то разгоняясь до переборов пляса, то скрипя как несмазанная телега; издали доносились непотребные песни и отборный стоэтажный мат, но всё это постепенно теряло энергию и затихало к вечеру, прячась по углам и загашникам. Праздник, тянувшийся несколько дней, обычно опосля полудня рассыпался на мелкие группы горожан, идущих или приглашающих друг друга в гости. “Ежели пьешь – загинешь, а не пьешь – вообще пропадешь!” Группы празднующих ходили из дома в дом, напропалую гуляли и пили, что Бог подаст, плясали “казачку”, “метелицу”, “кадриль”, в пьяном угаре обнимались и, припав к друг дружке на плечо, навзрыд тянули “Шумел камыш, деревья гнулись” или “Один парниша в Петербурге”, а напоследок выли “Как прибили мою родну мати...” или другие душевраздирающие песни. Все горожане в эти дни напивались до беспамьяства, а некоторые и до смерти»⁹.

4

Пржевальский, вернувшись с менового базара в приподнятом настроении, повечеряв, спешно скрылся в своей спальне. По укоренившейся многолетней привычке хотел быстрее, пока не улетучились свежие впечатления, занести их в дорожные записи свои. За долгие годы путешествий он взял себе за правило фиксировать на бумаге всё, что увидел, услышал или подметил, поэтому хотел остаться один, наедине со своими мыслями. Достав из планшета очередной, но уже слегка пожелтевший от времени дневник, открыл чистую страницу и задумался...

Сколько времени прошло, неизвестно. Однако никак не мог он сосредоточиться. На сей раз в мыслях царил сплошной сумбур: перед его мысленным взором хаотично крутились и мелькали, как в калейдоскопе, эпизоды сегодняшнего праздника. Проводник казах, его оруженосец Харитон – образы этих двух людей без конца донимали его, как назойливые мухи, и не выходили у него из головы.

Ему казалось странным, что абсолютно разные люди, родившиеся в отдалении друг от друга, по краям этой огромной территории, каковой являлась степная земля, разговаривали между собой, отлично понимая каждое слово друг друга, словно кибитки их стояли по соседству, на одном становище. Какое бы, ничего общего между ними не было, и что, собственно, могло быть общего у калмыка, живущего в Астрахани, с казахом, живущим в непроходимых дебрях Алтайских гор? Помнится, когда он заметил разницу между рязанским

⁹ Более полные данные можно прочесть в книге усть-каменогорского краеведа Галины Щербик «Усть-Каменогорские предания» (Усть-Каменогорск, «Медиа-Альянс», 2004).

говором и говором жителей Смоленщины, то был изрядно удивлен этим фактом, однако сейчас попросту поразился, увидев и услышав, как свободно, понимая друг друга, разговаривали калмык и казах. А что, если не только язык, но и желания и прочие помыслы схожи у этих двоих детей степи? Ведь как бы он, русский Пржевальский, не хотел, его жизнь и, как следствие, результат всей экспедиции зависели от них...

Предки его оруженосца, денщика-калмыка, обитали у отрогов Алтайских гор, и, как свидетельствует история, полторы сотни лет тому назад сокрушили русское укрепление Ямышево. А теперь... Когда он услышал, что вот эти самые степняки не один, а целых два раза покорили столицу великого государства – Бейджин, столицу империи, которая могла одним только взмахом веера поднять под свою пяту половину Азии ... В то далекое время дракон был сломлен. Интересно, а что было бы, если бы вот они, говорящие на одном языке, не жили в постоянных распрях, а действительно воссоединились в одно целое, в один народ?.. И с чего начались все эти распри? Возможно, это были интриги тех недалёковидных людей, что взяли бразды правления народом в свои руки. И что было бы, если бы они «заметили» и «залатали» эти прорехи в обществе? Почему-то в последнее время он стал замечать в себе такое качество, как подозрительность. Но сомнения и подозрительность первые, если не главные качества путешественника – разведчика новых земель. Главное, ему, великому Пржевальскому, прежде всего надо выжить среди этих калмыков и казахов.

У него было много причин быть настороженным. Во время своего путешествия в Азию он видел, что у людей, населяющих эти земли, были разные языки, разные вероисповедания. Эти вероисповедания, с его точки зрения, не имели того корня, который необходим народам, составляющим современное общество, для образования государства. Религии азиатских народов основывались на старых преданиях, уходили в традиции, которые были основой повседневной жизни. У степняков, например, этой традицией была любовь к лошадям и умение ухаживать за этими прекрасными животными. Но в Европе уже грохочут паровозы на железных дорогах, строятся огромные мосты через широкие реки, бегают по улицам редкие пока автомобили. На смену лошадям идут железные механизмы. Что будет завтра с этими степняками, калмыками и казахами с их гужевыми? Вновь вспомнился недавний конный переход вдоль берегов Иртыша, Чарский мост и трупы людей, лежавшие на снегу, джут с мертвыми ледяными объятиями, степь в своем мертвом безмолвии.

Дальше... А дальше торопясь, суетливо, на ходу, быстро подошел к стоявшему в углу шкапу и стремительно, пока не убежала мысль, достав початую бутылку коньяку, налил полстакана и залпом выпил его. Напиток горячей и терпкой струей пробежал по жилам, согревая и одновременно как бы приводя в порядок побуждения, успокаивая их и настраивая на рабочий лад. Почувствовал своего рода облегчение, что ли. Что это? Никогда не был завсегдатаем питейных заведений и бабским угодником. А тут, как хлебнет лишку, так всплывают в памяти щемящие до боли трехгодичной давности воспоминания о путешествии в Лобнор. Как круги на воде, всплывают воспоминания, воспоминания... Рукой подать. Только протяни. Вот она, столица загадочного Тибета... сказочная, несбыточная Лхаса, всего в каких-то двухстах верстах...

Тысячами муравьев накатил, как всегда, на усталое тело нестерпимый зуд. Обычно в такие минуты он приходил в бешенство, злясь всем и вся, а главное, на самого себя. Ненавидел себя до смерти. Яростно. Жестоко. Сколько бы ни трындели по Европе и России доброхоты, его преследовала эта неотвратимая, противная самому себе мысль о неудачном исходе его второго похода на Тибет.

Его голубая мечта – Лхаса – столица Тибета так и осталась недостижимой, непостижимой тайной, желанная, как манна небесная для умирающего от голода. И виной всему он... сволочь... Он, только он, и его болезнь, мать её!

Чтобы избавиться от зуда, он испробовал всевозможные средства: мылся отваром табака, солью, квасцами, мазался трубочной гарью, дегтем и купоросом, в городе Гучене пил лекарство, составленное китайским врачом из различных трав. Ничего не помогало. Болезнь была вызвана длительными лишениями и нервным переутомлением. Николай Михайлович настолько ослабел, что у него тряслись руки. При всей своей выносливости он был не в состоянии продолжать путь и остановился в Гучене. Но в дымной, грязной юрте, без всякого дела, он чувствовал себя еще хуже, чем в пути. Сесть же в седло ему мешала сильная боль...

«...Эти осложнения произошли из-за “кульджинского вопроса”. Как уже говорилось, царское правительство, чтобы создать защитный барьер между своими среднеазиатскими владениями и поддерживаемым Англией государством Якуб-бека, в 1871 году ввело войска в Илийский (Кульджинский) край. В то время богдыханские войска, разбитые Якуб-беком, были вытеснены из Восточного Туркестана. Поэтому богдыханское правительство приветствовало оккупацию Кульджи царскими войсками: потеря Кульджи должна была ослабить мусульман. В 1861–1862 годах в Шэньси и Ганьсу восстали угнетенные мусульманские национальные меньшинства этих провинций – “дунгане”. Восстание дунган было последней волной Великой Крестьянской войны в Китае, так называемого Тайпинского восстания. В 1863–1864 годах мусульманское восстание распространилось на города Восточного Туркестана – Кульджу, Чугучак, Урумчи, Куча, Аксу. Восстанием старались по мере сил воспользоваться для захвата власти над Восточным Туркестаном потомки былых его властителей, господствовавших здесь до китайского завоевания – “ходжи”. В 1865 году один из них – Бузрук-хан во главе конного отряда вторгся из Западного Туркестана в Кашгарию (в Восточном Туркестане). Конным отрядом Бузрук-хана командовал предприимчивый и властолюбивый Якуб-бек».

Да, всему виной не только восстание дунган, но и потомки последнего пророка. Пржевальский быстро перебирал бумаги и стал читать свои старые записи.

«Нас в городе Курля принимал повелитель Жетышара. Почетный прием был оказан во дворце Якуб-бека. Эмир оказался среднего роста, полноватый, с пролитой ручейками седины окладистой бородой человеком. После официальных приветствий, выражаемых в обязательном в таких случаях порядке, по протоколу, он поднялся со своего места и крепким рукопожатием выразил почтение гостям. Поинтересовавшись нашим самочувствием и здоровьем, Якуб-бек, видевший, как он выразился, “многих европейцев”, выразил нам особое уважение. В конце нашей беседы, продлившейся около часу, бек проявил всяческое почтение к русскому народу и его покорному слуге в моем лице. Но на деле всё оказалось не так гладко, как он стелил. После нашей встречи, через несколько дней, нас под усиленным караулом отправили в Хайду-гол...»

«...О временах пребывания Якуб-бека в “почетном плену” у Багдаулета мы узнали из наших случайных встреч с местными жителями. Эти случайные встречи внесли некоторую ясность в суть и методы правления Якуб-бека... Несмотря на его желание видеть свое царство цветущим и проливаемое ради этого реки людской крови, в целом нельзя было назвать его правление благополучным. Не брал он в голову и судьбу жестоко угнетаемого им народа, стонущего от кровавого террора. Для того чтобы выжимать последние соки из подданных, есть верные нукеры. А его дни проходят в благоденствии и тиши дворцовых залов.

Бакдаулет целыми днями занят тем, что слушает новости, которые ему доносят соглядатаи. Кто и какой товар привез на рынок (кстати, часть товаров могут забрать задаром), лошадей и баранов принимают в “подарок”, были случаи, когда даже женщин уводили в свой гарем в качестве подношения, попадались среди них и не достигшие зрелости... Якуб-бек – прохиндей, умело воспользовавшийся национально-освободительным движением мусульман за независимость от власти богдыхана в своих корыстных целях, “политический прохиндей”. Недолго ему осталось. Шаткая у него власть. Со дня на день Жетышар задавят ханьцы, ежели этого не случится, то восставшие поднимут на копьях эту власть. Воздух прямо горел вокруг, пропитанный этой мыслью. Только военный террор и строгая дисциплина мусульманских общин до поры до времени сдерживают смуту...»

Да, так и написал – «ханьцы заполонят всё и всех». Всего год прошел с этих слов. Как в воду глядел. Ах, если бы ему захотелось тогда поднять восстание... Оказалось, не нужно никакой смуты. Жетышар, город, открытый Чоканом Чингизовичем, пришел в упадок за годы своей «независимости» и правления прихвостня англичан и Османской империи Якуб-бека, после его смерти упав к ногам врагов как перезревшее яблоко... Жаль.

Как ни крути, нынешнее его путешествие началось несравнимо лучшим образом. Перво-наперво сравнительно легко решился самый главный, финансовый вопрос, который остро стоял перед предыдущими дорожными хлопотами. Двадцать тысяч рублей... В семь раз больше, чем в первую его попытку взять Тибет. А эта его удачная находка документов в Убинской церквушке, которые он безуспешно искал в Семипалатинске, перелопатив тонны книг в местных библиотеках! А случайная, но замечательная встреча в Усть-Каменной давнего попутчика и проводника Алдиярыча, безуспешно разыскиваемого им в Зайсане. Лишь бы, даже если на секунду позабыть о поручениях Его Высокопревосходительства самодержца российского, лишь бы оправдать чаяния такого же, как он сам, мечтателя о создании единого Евразийского пространства, царевича Владимира Александровича, не жалеющего для воплощения этой мечты ни здоровья, ни золотого времени своего денно и нощно.

О боже! Ежели суждено чему-то исполниться, то это непременно сбывается, и всё кажется тогда таким легким и простым. В том числе не так уж просто и проводникам-попутчикам. На неизведанных стежках-дорожках если не всё, то львиная доля трудностей выпадает на долю проводников. Это ему ведомо давно. Но у каждой уточки свои прибауточки. Вот взять хотя бы, казалось, проверенного на сто рядов в долгих беседах у костров Телешова, которому поверял сокровенное, с кем мерз и зимовал. Продал ведь, бесово отродье. А взять давнего и верного наперсника Пыльцова, который женился на его единственной сестре и прилип к домашнему очагу, как банный лист к одному месту. Что уж говорить про Дончошку Иринчинова. Ведь его усилиями негодник был произведен в старшие унтер-офицеры. Как зазвенели в карманах медяки, набил себе пузо, так тут же вспомнил, узкоглазая шельма, что он бурят. Результат – в очередной вояж его не дождался. Затем.... Во вторую экспедицию на Тибет возлагал очень большие надежды на проводника-казаха Алдиярова. Да... И ныне многое зависит от этого косолапого казаха. Из давних спутников его осталась только горстка из пяти-шести верных казаков. Да еще вот толмач-татарин Абдол Юсупов. Но, видать, всё равно он везучий. Ведь мучился же мыслью, где, в какой дырке-котловине между Зайсаном и Шиликтами отыщет своего проводника к Лобнору. А вот этот шельмец, подишь ты, сам объявился в Усть-Каменной, на меновом базаре. Ну разве это не везение?

За всеми этими переживаниями пока так и осталась не отправленной в столицу шкура дикой лошади, предназначенная для научного изучения. Мысли его метались как ошалелые, снова и снова возвращаясь к этому бесценному экспонату, так же случайно, чудом добытому на меновом базаре. Вспомнил диких животных, которых встретил в раскаленных песках Лобнора. Вроде бы он это записывал, по своей давней привычке заносить на бумагу всё увиденное и услышанное.

Достав из подорожной сумы свою потрепанную, замятую по углам с пожелтевшими от влаги страницами записную книжку, он с трудом разобрал свои же записи.

«...Ведя за собой семь-восемь кобылиц, горделиво вытянув шею, задрав от важности хвост, жеребец мощно и хватко вытанцовывал, не хуже заправского производителя. Иногда животные, остановившись, настороженно косили в мою сторону, фыркая, напряженно нюхали чуткими ноздрями воздух... затем все вдруг... растворились в жарком, дрожащем мареве, как сон. Два жеребца были в этом косяке пестрой раскраски, кажется, точнее разглядеть не удалось. Далеко... далеко...»¹⁰

Да, да, точно так записано. В тот раз он точно видел диких лошадей. Ну, как видел, так, краешком глаза. Никто из признанных светил естественных наук не примет на веру твою: «кажется, показалось», «наверное, видел». Еще и на смех поднимут. А вот это поистине чудо чудное, шкура дикой лошади, это уже неопровержимое доказательство.

Мысли его медленно переключались к проводнику казаху с его непредсказуемым характером. Собственно, он и сделал ему этот бесценный подарок – ежели не самую очень редко встречаемую в дикой природе лошадь, то хотя бы неопровержимое доказательство её существования – шкуру.

Да, Мырзаш батыр Алдиярыч. Его проводник. Познакомился он с ним тремя годами ранее, перед своим походом на Лобнор. Тогда он, оставив позади шумливое и суетливое общество местных доброхотов, местных «научных светил», отправился в свою, как он считал позднее, самую неудачную в жизни экспедицию на Лобнор. Хотя конечной целью его был, собственно, не Лобнор, а Тибет, тайный, сокровенный Тибет. Подпирающие небо заоблачные вершины его. Эта неисполненная мечта с тех пор давит его чресла, угнетает его дух.

В тот год не то что загадочных гор, но и столицы Тибета Лхасы он не смог достичь. Причина не в трудности дороги, причина во внезапно постигшей его болезни, тяжких резях в желудке, кровохарканьи. Пришлось вернуться с середины пути, повернув коней вспять. Может, препятствием послужило возникшее недопонимание с департаментом внутренних дел, делавших всё в угоду богдыхану, или же Якуб беку, повелителю Жетышара... Возможно. Мрачные мысли съедали ему мозг.

Снова открыв сундук, он достал два свертка бумаг. Долго вчитывался в отчет Чокана Чингизовича о его экспедиции в Кашгарию. В десятый, может, в сотый раз просматривал он эти записи. Совсем юнец, как он смог сделать выводы о недолговечности такого кукольного новообразования, как Жетышар. Хотя такие выводы сделал не один Чокан Чингизович. Он и сам писал, хотя после Чокана, что нет будущего у государства на пути обретения независимости, не подчиняющегося законам всеобщего, мирового развития...

Среди множества записей еле-еле отыскал свои. Никаких секретов, только сведения о наставлениях ближайшего соседа России – Китая своим чиновникам, как вести себя в случае осложнения ситуации.

¹⁰ Материал взят из книги Н. М. Пржевальского «Из Зайсана через Хами в Тибет и на верховья Желтой реки» (Государственное издательство географической литературы, 1956).

В тот год, перед возвращением в город, названный именем Великого Петра, он выбрал не привычное для себя южное направление, а направил поводья своего коня через земли северных родов казахов, недавно вошедших в состав Российской империи. Он тогда впервые остановился в недавно отстроенной крепости на слиянии двух рек, в том месте, где Иртыш, вырываясь из каменных теснин, широко разливался по равнине, соединяясь с Ульбой. На расстоянии одного дня пути от этой крепости, в расположенной по низовью Иртыша казачьей станице, его настигла почтовой оказией плохая весть. Письмо было от няни Макарьевны. Преставилась полвека провдовствовавшая бедная его маменька. Похоронили её в Отрадном, имении, которое он купил для нее на свои капиталы, собираемые в течение десяти лет. В ту ночь он, укрывшись с головой одеялом, провыл до самого утра. От печальных мыслей, что не сможет никогда вернуться к ней в Отрадное, становилось еще горше. И он снова выл. Вот тогда он впервые приложил руку к официальной карте, утвержденной Департаментом внутренних дел.

Уже тогда здоровье его сильно шалило. Он знал, ежели так и дальше пойдет, то он упокоится, так и не достигнув мечты всей своей жизни – Тибета. Поэтому на следующее же утро обратился к атаману станицы, где они остановились, с просьбой поименовать оную в Отрадное. Это и было его памятником безвременно почившей в бозе милой маменьке. Сам же тысячу раз просил прощения у Господа Бога за минутную слабость свою, обуявшую в эту злосчастную ночь его. Вот так появился на Алтае двойник под названием Отрадное...

Успокоившись, унял бешено бьющееся сердце. «Боже мой!» Не по воле ли Господа по прошествии всего каких-нибудь трех лет он снова оказался на Алтае. И вот теперь всё зависит от Всевышнего, от проводника-казаха... Да нет же, досадливо поморщился... всё в его руках.

Вспомнилось, как он тремя годами ранее встретил своего попутчика по Лобнорскому походу, Алдиярова. Случилось это в лютые морозы в Зайсане, впрочем, и характер у него оказался такой же, под стать тем самым памятным морозам. Да... Тогда его, Мырзаш батыра, привел к нему Харитон, в поисках нужных дорожных припасов излазивший все духаны и лабазы по обе стороны границы.

Мырзаш батыр. Называет себя батыром. Да... Немало он видел людишек, именующих себя батырами, на оставшихся без закона землях опосля гибели огромной империи Темучина. Вот и о нем он подумал, что это один среди многих, похваляющихся в кругу одноплеменников количеством угнанных лошадей, потрясающих чубом-айдаром, бахвалясь «многими победами». Пока Харитон не «проел» ему все уши, расхваливая его ипостаси. В конце концов пригласил Мырзаша Алдиярыча в свое временное жилище, где расположился его штаб, в дом начальника таможи.

Свободный и вольный, как перекасти-поле, проводник в то время помышлял о том, чтобы пустить свои корни в только что получившем статус города Зайсане. Правда или нет, кто его знает, не влезешь же в мысли этого степняка. Как только по берегам Иртыша начали возводиться бесчисленные поселения переселенцев, на пахотные земли и пойменные луга, занятые ими же для казахов, расселявшихся ранее по берегам озера Зайсан и реки Уйдене, был наложен запрет. И стали они откочевывать в сторону гор у озера Маркаколь и предгорья Тарбагатай, славящиеся своим мягким климатом. А хорошо знающий обстановку батыр (он сам слышал, как зайсанцы называли проводника именно «батыром») перевез своих родичей поближе к Зайсану, в местечко Шиликты, которое находилось в однодневном переходе. За длинной грядой гор, в местеч-

ке Майлы, где не ступала нога человека, он провел зиму и ныне летовал в свое удовольствие в этом заповедном месте.

Путешественник знал, что за кочевыми казахами водится грешок побахвалиться: «Раньше там жили цари, а я чем хуже? Снега мало, ветра почти нет. Живу себе, не тужу...» Он, конечно же, не поверил всему сказанному им. «Что ж, рад за тебя... А что за привереда тогда тебя сюда затащила?» – спросил он. «Да какая причина? Думаешь, я соскучился по русскому духу или по вонючей водке, запахом которой пропитаны все духаны Зайсана? Хлеб. Хлеб нужен! В последнее время от мясной пищи желудок стал пошаливать. Ничего же кроме мяса не едим», – признался он.

До Пржевальского доходили слухи, что раньше в Шиликтах проживали цари. Начал спрашивать Мырзаш батыра о «царской долине» поподробнее. Но ничего вразумительного не добился. Тот делал вид, что не понимает его. Ну, не хочешь показывать свое тайное прибежище, где, как волк, прячешься, зализывая раны, воля твоя. Делать нечего, пришлось звать на помощь толмача-татарина. Тому удалось выяснить, что Шиликтинская долина сплошь усеяна курганами. Курганы эти – рукотворные насыпи, сверху покрытые камнями, сиречь древние могилы, захоронения. Ему ведомо было, что великих вождей саков хоронили вместе с их казней. Как жаль, он так и не смог посетить эту загадочную «долину царей» за всеми своими многочисленными заботами, потому как каждый день, час был дорог ему в этой экспедиции.

В тот год не только голод пригнал таких кочевых казахов, как Мырзаш, под Зайсан, но и криворукая политика коменданта новоиспеченного города. Дело в том, что для придания статуса города Зайсану не хватало приписанных жителей. Что за беда? Комендант пригнал кочевых казахов, что обретали поблизости от Зайсана, приказал поставить их юрты в длинные линии, наподобие улицы. Всё. Дело сделано. Казахи, хоть и временно, стали «городскими жителями». После того как комиссия по присвоению статуса уехала восвояси, эти «городские жители» поднялись с мест и... ищи ветра в поле, ушли своей, одной им ведомой, дорогой. «А ты почему не ушел?» – спросил он своего проводника. «Нам хлеб нужен. Не просто хлеб, а тот, который родит несколько лет кряду. Я вот думаю, может, на той стороне есть семена такого хлеба. Мне туда нужно, во как!»

Если должно повезти, то повезет однозначно. В тот год, после немногочисленных препирательств и торга они сошлись – уговорил таки Пржевальский Мырзаша стать его проводником. «Мне многолетний хлеб нужен, до зарезу», – повторял Алдиярыч время от времени. В эти минуты по его плоскому, выветренному студеными ветрами лицу растекались мечтательные морщинки, и он млеял от одной мысли, что скоро достанет это чудо и забудет про все свои горести...

Пржевальский усмехнулся про себя, припомнив свое вчерашнее предложение Мырзашу вновь стать его проводником и как тот при этом обрадовался. Он как будто знал о его появлении на меновом рынке Усть-Каменной. Как будто ждал именно его. Да, гора с горой не сходятся... Мысли о меновом рынке снова заставили его усмехнуться.

Торопливо вскочив, накинул китель на плечи и вышел на воздух. Небо, окутав всю округу, казалось, стало ниже, словно готовясь обрушиться на землю. С высоты свесились капли сверкающих звезд. Будто вот-вот упадут. В отличие от Усть-Каменной, где по полгода не видно так близко ни звезд, ни луны, небо загадочного Алтая – вот оно, рукой дотянуться можно. Наверное, поэтому здесь и находится таинственная Шамбала, связывающая небо и землю.

Блестит вдалеке Иртыш. Зеркальная гладь его русла тоже сплошь усеяна звездами. Ни дать ни взять небо целуется с водной гладью. В находящемся на

той стороне реки поселке Меновное ни огонечка. Татарская слободка, погруженная во мрак, отходит ко сну. Безмолвны стены и окна армейских казарм. Только тут и там, на расстоянии протянутой руки, вокруг всего городка, горят и остро режут глаза своими отблесками караульные костры. Иногда до уха доносится визгливый, как бабий крик, нестройный хрип гармоники, да пьяные голоса, поющие непристойные куплеты. Кто знает, может, среди гуляк и его спутники. Масленица... Только сейчас заметил, что и в окнах комнаты, где расположился его переводчик, не горит свет. Хоть и крещеный, Абдул всё же был равнодушен к русским народным праздникам. Что же тогда?

Неожиданно Пржевальский вдруг услышал шум со стороны армейских казарм. К земляному валу приближалась какая-то крытая повозка. С нее спрыгнул неизвестный и начал подниматься на вал, затем пошел в сторону казарм. Приблизившись к начальнику, что вырос у него на пути, как из-под земли, неизвестный замедлил свой шаг и начал озираться по сторонам.

– Откуда это ты, шельма?

Толмач-татарин, а это был он, всегда терялся, когда начальник говорил с ним таким тоном. Сообразив, что скрывать что-либо далее смерти подобно, залезбил:

– Сход... Да, на собрание наших татар ходил, Ваше вели... Ваше высочество, – растерянно пролепетал он себе под нос.

– Интересно... Это жутко интересно.

Допрос продолжился в горнице у начальника. Переводчик-татарин выложил всё, о чём говорили на этом собрании.

– Этого... Я видел этого негодяя. Черт, не могу вспомнить, где я его раньше видел. Тыфу ты... Но это он, точно он.

– Да, кто он-то? Кого ты видел, каналья?

– Да этого... Заман-бека, кажись.

При этом имени у русского даже задергалось веко, глаза сверкнули недобрым блеском. Далее разговор их с толмачом происходил шепотом.

– Мырза... Мырза был? – спросил он, пристально глядя в лицо татарина.

– Нет. Его не было, Ваше благородие. Этот... Этот керей, который вчера на базаре нас привечал. Как бишь его звали? А, Буланбай. Вот он был.

– Что ж. Тогда всё ясно.

Он выпроводил толмача-татарина и прилег, но не спалось. Всё из головы не выходила новость о сборище татар. И то, что среди заговорщиков был Заманбек. Да, сборище заговорщиков. Ежели его и взаправду считают разведчиком, то почему его не предупредили? Они обязаны были это сделать.

В душу снова закрались сомнения. Или же он, Заманбек, от закавказского отдела выделенный агент, в обязанности которому вменен контроль за обстановкой здесь? Контроль надо мной? Как это там было?

«...Во время экспедиции на Лобнор, по достижении им города Курлыга, на завтра к нему в шатер пришел посетитель, близкий друг эмира – эфенди Заманбекхан. Он был несказанно удивлен, когда советник повелителя Жетышара заговорил с ним на чистейшем русском наречии. Вошедши, Заманбек сразу же довел до его сведения высочайшее повеление эмира о всяческом поспособствовании в достижении ими Лобнора. Среднего роста, слегка полноватый брюнет, примерно сорока лет эфенди, родился в Закавказье в городе Нухи. Некоторое время он находился на службе российской короны. Впоследствии он переехал в Турцию, откуда турецкий султан, прознав о его познаниях в военном деле, откомандировал его в помощь Якуб-беку вместе с целой группой таких же, как он, подданных».

«Покоробило меня при таком известии. Знал я хорошо, что Заман-бек посылается для наблюдения за нами и что присутствие официального лица будет не облегчением, но помехой для наших исследований. Так и случилось впоследствии. Хотя Заман-бек был прислан в Джеты-Шаар союзником англичан – турецким султаном, но сам он симпатизировал не Англии, а России». Путешественник вполне понимал, что Заман-бек лучше всякого другого «почетного конвоира», приставленного к нему джетышаарским эмиром. «Но даже самый доброжелательный конвоир мешал мне свободно заниматься съемкой местности, знакомиться с местным населением, производить необходимые исследования».

Наилучшему конвою Николай Михайлович предпочел бы свободу. Вот почему Заман-бек вызывал в нем смешанное чувство благодарности и досады. «Заман-бек лично был к нам весьма расположен, оказывал нам услуги. Глубокою благодарностью обязан я за это почтенному беку. С ним на Лобноре нам было гораздо лучше, нежели с кем-либо из других доверенных Якуб-бека, – конечно, настолько, насколько может быть лучше в дурном вообще».

Жаль, что он не может поделиться своими наблюдениями, хотя продолжительные беседы с эфенди позволяют сделать некоторые выводы. Он знал таких шпионов, кои работали не на одну, две, даже на три стороны. Как бы и этот горбоносый закавказец не вышел на поверку перво-наперво русским пинкертоном...

Если бы не горящие по углам чадающие лампы, дающие скудный свет, то эти четыре стены, навалившись с четырех сторон, словно черные вороны, задушили бы его совсем. По затекшим конечностям побежали мурашки, отдаваясь зудом в мышцах бедер. Чтобы размять затекшие чресла, Пржевальский походил по комнате туда-сюда, подошедши к ранее самим же зашторенному окну, распахнул его настежь и устался в черноту ночи. Всё чудилось ему, будто подсматривает за ним кто. Сердце гулко билось, пытаясь вырваться из груди. Глаза начали привыкать к могильной темноте ночи, и он различил находящиеся недалеко, будто на расстоянии протянутой руки, купола Троицкой церкви. «Боже мой!»

Вдруг донеслись издали жалобные звуки кобыза, как бы с придыханием выводимые из-под придушенных струн тонкими невесомыми руками дровиша, которого встретил на меновом базаре. Может, почудилось? Нет, это он. Этот тонкий горловой сап его голоса. Но слова... Что же он хотел ему сказать на базаре? «Туда дорога тебе лежит, обратной дороги нет», как будто о его экспедиции в Тибет глашатайствовал. «Неизведанная земля обетованная». Откуда знал? «В темной, темной стране друзья лишь будут на твоей стороне...» Что он хотел этим сказать? Сколько ни пытался уловить смысл повествования, не смог. Перед глазами образ проводника казаха, глядящего из под насупленных бровей и нависшего над ними морщинистого лба. Да, он смотрел так, как будто видит Харитона впервые, говорил с ним то ласково, то возбужденно. С той стороны Алатау населяют киргизы, с этой стороны – казахи. Часть их слов, необходимых в обиходе, он понимает. Ежели посмотреть, то от земель калмыков, что с той стороны Астрахани, до гор Алтайских, без малого шесть месяцев пути. В одно время он сам потешался над разговором между русскими, живущими в Рязани, и русскими же, живущими в Смоленщине. Теперь же он находил сходство между говорами разделенных между собой различной верой, различным мировоззрением, шестью веками бесконечных раздоров и междоусобиц, извечной враждой народов. Поразительно.

Да что там язык?! Взять хотя бы этих двоих. Его телохранителя, отвечающего за его брэнное тело, и проводника казаха. Вроде разные люди, а поди ж ты, у

них и мысли, и чаяния где-то одинаковые. Так рассудить, и у его телохранителя корни-то туземные. Еще какие туземные! Два с лишним века предки этого Харитона кочевали между Енисеем и Доном, от Урала и до самой Индии простиралась их длань. В тысячу семьсот втором году с их повеления киргизы, ранее населявшие северные предгорья Алтая, переселились в окрестности Или и Иссык-Куля и основали ныне русскую крепость Ямышовую. Уж на что восточный дракон половину азиатских государств держит на своей ладони, а захочет, и в сомкнутом кулаке, а и его столицу Пекин в свое время основательно потрясли и захватили отцы и деды этого Харитона. Чудеса, да и только. Посрамили грозного дракона. Да-с...

Не только Пржевальский заметил в бытность свою в походах в Центральную Азию схожесть, казалось бы, разных и по религии, и по мировоззрению этих туземных народов. Объединяет их прежде всего неумная, неуголемая любовь к лошадям. Не их ли предки, приручив и оседлав диких лошадей, верхом на них стремительно ворвались не только в поверженный Пекин, но и поставили на колени европейский Рим?

Для любого профессионального исследователя новый день связан с предвкушениями новых открытий, новых надежд. Не испытывавший страха перед опасностью, перед невзгодами и калейдоскопом меняющихся событий и приключений, Пржевальский пугался в тысячу раз бездействия от того, что не было никаких свежих известий. С детства он страшился тишины. И в этот раз просидел так до самого утра, испытывая безотчетный, холодный страх, вздрагивая от малейшего шороха. Задремал лишь перед самым рассветом, истощив до предела натянутые, словно струны, нервы. Но сон его был беспокойным. В нем к нему являлась его няня – Анна Макарьевна... Он поворочался в постели, подумав, что это хороший сон, раз к нему пришла не его маменька, уже с полгода как почившая в бозе, а его сердечно любимая няня. Живая... Живая...

Глава третья

ХРАМ, УШЕДШИЙ В НЕБЫТИЕ

1

Харитон за проводником-казахом долго карабкался по горным отрогам. Эти тянущиеся, словно тысячи змей, причудливыми извилинами Калбинские отроги хоть и назывались горами, но скорее казались рыхлыми наносами. Только от вида их замыливался взор, быстро истощая терпение. По истечении времени, которого вполне хватило бы на то, чтобы сварилось мясо, под седоком заелозил жеребец, порядком взмыленный от бесконечной гонки и осточертевших понуканий.

Харитон, то свесивши ноги, мерно покачиваясь в седле, в такт хода иноходца, то повернувшись всем корпусом назад, пристально смотрел на плетущегося за ними пса-тобета, время от времени вихлявшего тощим задом. Понура наклонив голову, он то нагонял, то отставал от кавалькады. Когда приближался этот огромный, ростом с телёнка пёс и раскрывал свою бездонную пасть, оттуда выглядывали молочной белизны клыки, с которых капала тягучая слюна.

«Странная повадка у этого пса, – Харитон вновь впери в него взгляд. – Обычно охотничьи собаки – извечные спутники путешественников, вывалив языки, терпеливо семят впереди процессии. Этот же плетется в хвосте, всё сильнее вызывая чувство раздражения». Эх, сколько же разных собак он перевидал за долгие версты своих путешествий. Кто-то таскает за собой це-

люю псарню, одного лишь развлечения ради, кто-то загружает нещадно целую свору, используя верных друзей человека как гужевого транспорт. И только истинные знатоки собачьего племени находят им применение в охоте. Вдвоем с начальником своим, в Уссурийском крае, ему приходилось видеть трепетное, заботливо-сердечное отношение к собакам как к полноправным членам семьи, ведь от них зависело, быть людям сытыми или же остаться голодными. Бывали случаи, когда некоторые путешественники отдавали последнее за какую-нибудь упряжку ездовых собак, но когда их сильно прижимало в дороге, использовали четвероногих для того, чтобы согреться их теплом, а бывало, и кровью. Повстречалась бы эта громадная псина-тобет в Уссурии, точно можно было бы прокормить целую дюжину едоков...

Дорога через горное ущелье стала более ровной и удобной, и светлый жеребец под ним прибавил свой шаг. Но радости от этого Харитон не испытывал, потому что продолжали терзать его смутные сомнения. За полдня нескончаемой, тяготной дороги не повстречалось ни одной живой души, ни птиц, ни животных. Хотя охота давно перестала горячить его кровь. Как тут не заметить, что Его высокоблагородие занедужил, затосковал от бездействия, и только охота встряхнет его и расшевелит. Вот потому-то, воспользовавшись явным недугом начальника, и согласился поехать с криволапым казаком в эту дальнюю дорогу...

Спустя некоторое время, смертельно устав от перехода через пологие склоны сыпучих-зыбучих барханов, выкарабкались наконец на совершенно голую, пустынную равнину. Прямо посреди равнины, как перст, торчал идол – каменная баба.

Облезлого тобета, как и его хозяина, восседавшего на светлом жеребце, Харитон нагнал только возле высокой березы, горделиво возвышавшейся над всей равниной. Это одинокое дерево сиротливо торчало, как вбитый в землю белый кол, ободранное и чахлое, отбрасывая скудную, словно сворованную у солнца тень. На траве под ним разлёгся во всё свое огромное тело проводник, а рядом с ним присел на корточки сморщенный, маленького росточка туземец.

Клацнул затвор штуцера. И тобет, и туземец при этом звуке подскочили как ошпаренные.

– Это ты, шурячок? Непоседа, думал, пропал куда... тещу твою.

Приблизившись к обложенному со всех сторон мелкими и крупными камнями идолу, мельком взглянул на озирающегося испуганно по сторонам туземца и поводящего ничего не понимающими глазами тобета, у которого аж шерсть на загривке дыбом встала. Он отошел и принялся разглядывать разное тряпье, наprivязанное к камням, разложенным вокруг идола.

С западной стороны долина открывалась полностью и была как на ладони. Южная сторона оказалась загроможденной скалами. Взгляд притягивали изрытые струями дождя и выеденные ветрами скалы, словно кто-то аккуратно выдолбил в них долотом многочисленные тоненькие канавки. Они были самых причудливых форм. Вон та, вдалеке, похожа на раскоряченную жабу, другая – на ползущую вдоль щели ящерицу. Невдалеке от них одиноко, будто отрубленный палец великана, высился скальный отросток. За самую его, еле видимую, вершину грязной марлевой повязкой зацепилась заблудившаяся туча.

2

В ноздри ударил дымок, в котором улавливался аромат полуприготовленного мяса. Вот ты, зараза... черный, как дно казана, этот незнакомый редкоро-

дый туземец вместе с косолапым проводником жарили на каменной жаровне тушку зайца, нанизанного на прут вереска. Возле них возбужденно и суетливо туда-сюда скакала грачиха, ну ни дать ни взять егозливая баба, и при этом без конца вертела во все стороны клювом, будто именно для нее готовили блюдо.

– Хватит... Хватит... – покрикивал незлобно проводник, бросая кусочки мяса грачихе... – Ну ладно... на еще... ближе иди, ближе. Ну всё, давай оставим хоть чуток твоему родственнику. Эй, шурячок, иди поешь. В еде стеснения нет. Чем до смерти мясо жрать, лучше другу часть отдать – так говорят, да, шурячок? А эта псина с голоду того и гляди подохнет...

Харитон, сидевший возле кострища, увидел, что от зайца уже мало что осталось. Отрывая нещадно от тушки кусок за куском, Мырзаш подкидывал всё это грачихе. Дымилась паром вересковая палка, вся облепленная остатками мяса.

– Мырзеке, ты что это... зачем? – удивлённо вопрошал Харитон.

– Да успокойся ты, шурячок, – отвечал тот ему, – разве не знаешь, когда Господь сотворил твари свои, каждому из них определил свою долю. Вот это... её доля.

Коренастый, косолапый проводник-казах, пока говорил эту тираду, не спеша достал из переметной сумы казы – конскую колбасу, размером с толстую руку, и вместе с куртом, появившимся оттуда же, положил всё на заранее расстеленную чистую тряпицу. Проворно достал из кожаного чехла, пристегнутого к поясному ремню, походный нож и-и, раз... казы разрезана вдоль, и-и, два... половину первого куса бросил тобету, а вторую, неспешно прожевав, съел сам. Часть второй половинки опять досталась тобету и мгновенно исчезла в его огромной пасти. Псина, проглотив её безо всяких усилий, лениво возвратилась на свое место.

Черный, как казан, незнакомый туземец лениво протянул руки к остатку последней половины.

– Откуда вы добыли этого дикого человека, Мырзеке? – спросил Харитон, пальцами ткнув на туземца.

– Ты о каком диком человеке, тещу твою? Ты сам-то видел его когданибудь?

– Да нет, это русские охотники, что ходят по Иртышу, говаривали, что его на Алтае нет. Дикие йети на Тибете... – пробормотал Харитон.

– Тибет... Тобет... Сам ты тобет, пес шелудивый, тещу твою в хвост и в гриву. Вот будем на Тибете, тогда будет нам забава... как это его... да, да... дочь йети я тебе... нет, а твоему здоровенному ореке¹¹ подарю... ха, ха. А если речь о тобете... наш Карзан не человека, а ружья боится. Когда он еще был щенком, как ты, не драки, а выстрела ружья испугался. Кстати, убери-ка ружье, а то ты и меня ненароком с собакой перепутаешь... хе... хе...

Харитон только сейчас обратил внимание, что огромный пес не сводит взгляда с ружья, лежащего на его коленях. «Ружья боится. Значит, сильно подрали его, когда щенком был?»

– Эй, ты почему не ешь, дрянной человек?! Или сырого мяса не видел? Разве не твои предки жрали мясо только что освежеванного барашка? Что же ты глаза свои прячешь?

– Мясо сырым едят только монголы и казахи... Да еще разные нищоброды.

– Ойраты, монголы или одичавшие нищоброды, какая, к шорту, разница, мать твою... Ежели ты не знаешь, так тангуты и эти урянхайцы тоже их родственники, ты тоже от них недалеко ушел, е-е-е.

¹¹ Уважительная форма с окончанием на «ка», «ке». Так, казах будет звучать «казеке». В данном контексте звучит так: «твоему уважаемому русскому».

– Мырзеке, вы видели этих нищобродов?
– А то... И видел, и купал, и волосы им расчесывал. Вот если еще им волосы покрасить в желтый цвет, как у этого русского, то и вовсе на него будут похожи...
– Куда это ты меня завел, Мырзеке?
– К корням твоим... дурень ты, к корням, тещу твою плетью по заду...
– К каким корням? Совсем вы меня заморочили...
– Ты про название этого места задумайся, акмак¹²... Название этого места говорит само за себя, что здесь находится центр земли казахской.
– А, вы хотите сказать – граница?
– Какая, к черту, граница?.. И как это ты можешь своими узкими глазенками разглядеть границу, тещу твою за ногу?
– Центр земли, что ли, здесь находится?
– А почему бы и нет. Можно сказать, пуп земли. За других не в ответе, но знаю, здесь самый что ни на есть центр земли казахской. Вон, земля за той сопкой раньше принадлежала твоим сородичам – калмакам. Во-о-он, видишь тот валун, напоминающий казан? Вся округа названа по имени этого камня. Это не то что я, все торгауты, породнившиеся с найманами, знают. Кроме тебя, конечно, есерсок¹³ ты эдакий.

После того, как беседа перешла в такое историческое русло, сосед-туземец с редкой бородкой, который лежал возле них, подложив под свою голову седло вместо подушки, доселе молча и равнодушно слушавший их разговор, подал вдруг свой голос.

– Ну-ну, продолжай нести всякую чушь... – пробормотал он и перевернулся на другой бок.

– Так ты, оказывается, тоже язык имеешь?!

– Конечно, хотя мы и не перепрыгиваем через границу туда и сюда, как некоторые, но и до нас тоже кое-что доходит, Мырзеке...

Тут редкобородый прокашлялся и замолк, а Мырзаш высказался-выговорился от всей души:

– Какая-такая граница, мать твою... Ты лучше слушай... Наши казахи границу опреляют по могильникам, а местности называют не только по её особым признакам, но и в связи с событиями, которые происходили там... Я расскажу вам историю о том, почему это место называли «казантас». Когда казахи наконец-то стали повсюду громить джунгар, то остатки их войска, отступая, оказались здесь. Дальше начиналась уже земля, захваченная китайцами, где их тоже вряд ли встретили бы с распростертыми объятиями. Так вот, здесь они и остановились – бежать-то дальше некуда. Пришлось встать лицом к лицу с казахами... Что делать? Биться? Смысла тоже никакого не было, все бы калмаки¹⁴ погибли. К тому же и сил биться уже не осталось, да еще многие уже породнились с казахами: кто приходился сватом, кто братом. В конце концов решили уладить всё без кровопролития и пришли к такому решению... Кто из батыров, будь то казах или калмак, затащит на вершину этой горы камень величиной с казан (его так и называли – Казан), то вся эта округа будет принадлежать его народу. Сначала вышел калмак. Поднял камень. Нес он, нес он... вдруг споткнулся и упал. Долго совещались казахи, кому доверить нести этот камень. Выбор пал на богатыря-батыра Барака – хотя он и был стар, но силушку ещё имел не-

¹² Глупый, дурак.

¹³ Сумасброд, безрассудный человек.

¹⁴ Казахи зачастую называли джунгаров калмаками, предками современных калмыков.

мереную. Вышел он, поднял камень и понес. И как понес! Всё шло хорошо, но когда до самой вершины горы оставалось пройти совсем немного, батыр вдруг остановился... старый ведь уже все-таки. К счастью, камень этот тяжеленный он из рук не выронил, а, опустив на землю, докатил-таки до указанного места. Тут казахи возликовали, воспряли духом и погнали калмаков дальше. Вот так эти земли остались за нами, братишка.

– Братишка, говоришь? Если я тебе буду братишкой, кем мне водится дядюшка Барак, Мырзеке?

– Смотри-ка на него, заладил: «братишка, братишка», аж слюной извелся, тещу твою камчой по задку. С каких это пор ты стал потомком Барак батыра?! Да знаешь ли ты вообще своих предков, ядрить тебя в корень?!

– Почему не знаю, знаю, конечно. Я тоже найман... среди найманов сайболат, среди сайболатов калмык. Не шути с аруахами, батыр.

Харитон знал, что когда среди этих степняков речь заходит о корнях и потомках, беседа может растянуться не на часы, а целые ночи.

– Эх, в горле пересохло, нет ли у вас воды, Мырза?

– Какая вода?... Какой мырза-а-а? Где ты тут видишь господина? Я никакой не мырза. Вот Мырзаш меня зовут, это правда! Мырзаш батыр, между прочим! Вот ты, шельмец, как к начальнику своему обращаешься? «Николай Михалыш, Николай Михалыш...». А если будешь называть меня «Мырзаш Алдиярыш», язык себе сломаешь, что ли, мать твою?!

– Вы что, вдруг генералом себя возомнили, Мырзеке... извините, Алдиярыч? А может, и губернатором?

– Я себя... жандаралом? Какой с меня жандарал, мать твою? А вот губернатором в Шиликтах – это точно! Если речь о твоём толстопузом начальнике, то... Если мне не изменяет память, он... под...полковник. Ты что, не знаешь, эти погоны да сверкающие блески, привлекающие только сорок, он носит лишь солидности ради, чтобы напугать инородцев с мозгами куриными. И это я... я ему посоветовал в прошлой экспедиции!

– С тех пор много воды утекло, Алдиярыч. Что вы, в самом деле, уважаемый, как с цепи сорвались? Вы же сами советовали: «Не надо к крайним мерам прибегать», так что, Алдиярыч, успокойся. Если бы это слышал Пржевальский... одним махом...

– Всё!.. Всё, шурячок! Не щурь на меня свои косые глазки! Твой хваленый генерал только недавно получил полковника, ядрить твою тещу! А, о чем бишь я... Это как давешний старик говорил-то? Сидишь у воды и воду просишь? Что это такое? Эй... не пугай, убери это от меня. Хватит, я сказал. Харитон Барысыш... Хватит.

Тут Харитон разинул свой рот так, как выброшенная на берег рыба:

– Ты чего? Ты чего, Алдиярыч? Эка тебя понесло.

– Да ничего. Вообще-то ничего... Просто ненавижу, когда стесняются сказать имя своего отца, тещу твою!

Харитон, начинавший и сам забывать, как его зовут по-настоящему, сидел как пришибленный. Уставился помутневшим взглядом в землю. Сам понимал, что почём... Эх!

– Ладно, ладно, балдыз. Что возьмешь со старика... не бери в голову. Но ружье-то убери.

Харитон медленно поднял понуро склоненную голову. Вдруг ему показалось, что все туземцы похожи на пса-тобета, которых сызмала напугали ружейным выстрелом.

Поднявшись, взором огляделся вокруг. И увидел перед собою долину, с разноцветными растениями, растеленную, как изобильный на яства щедрый

дастархан. Залитая лучами солнца, она тянулась вдаль до самой почти треугольной по форме горы. Умиротворенный этой чарующе-волшебной картиной, он приставил ружье к ноге и снова повернулся лицом к коренастому казаку.

– Я что тебе, денщик какой-то, таскать за тобой еду и питье?! Я даже ему... да, да, ему... толстопузому так не прислуживал, тещу твою камчой по заду! – проворчал Мырзаш.

– Так вы же сами, сами завели меня сюда, Алдиярыч?! Охота, да, охота...

– Что?.. Охота?.. Какая охота?! Ты бы сдох уже давно с голоду, дурак ты эдакий... дурак. Я-то думал ты свой... свой, понимаешь... а ты? С голоду подыхающий баран. Если тебе так надо, иди с ним. У тебя вообще глаза есть? Куда он тебя тянет?

Харитон, видя, какой неприятный для обоих оборот принимает разговор, решил перевести его в другое русло.

– Да, изначально меня интересовала охота, особенно охота с грачихой, бог с ними, кто как называется, батыреке. Я даже не различу через минуту, как выглядела эта грачиха... Вы же мне обещали рассказать про ваши приемы охоты с грачихой.

– Какие такие методы? Всё так просто... выгадывай, приближайся с подветренной стороны. Через минуту эта грачиха превратится если не в беркута, то в сокола уж точно. У ястреба и коршуна мозгов-то мало. Поэтому и пользуются предводителями грачами...

– Какими предводителями, Мырзеке?

– Грачами, говорю... Не такими, как ты, шурячок, а умными.

– Выходит, вы тоже, как грачиха, с умом?

– Выходит так, мать твою...

Говоря эти слова, коренастый казах медленно набрал в руку кишки от разорванного только что кролика и... резко бросил их в сторону грачихи. Та малость растерялась от грубости, не зная, то ли удивляться, то ли обделаться... Потом принялась суетливо ощипывать свои перья, очищая их от ошметков грязи.

Алдиярыч, поймав грачиху, погладил её, ничего не понимающую, ошалевшую, по голове, при этом продолжая брызгать на неё нечистоты, которые остались после разделывания кроличьей тушки, и истерически засмеялся, как сумасшедший.

– Теперь-то ты понял?.. Теперь эта птица размножаться не будет совсем, тещу твою за ногу. Всю оставшуюся жизнь будет искать себе пропитание. Прислуживать безмозглым охотничьим птицам... А значит, убивать и убивать.

– Как это убивать? С каких пор грачи стали охотничьими птицами, Алдиярыч?

– В голове у тебя мозги-то есть? Не охотничьей птицей, а предводителем охотничьих птиц, мать твою... Наши издревле возле соколиных пород держали грачей, потому что они создания умные, в отличие от некоторых... Да ладно, ладно, шурячок, не о тебе идет базар. Убери-ка эту свою штуковину.

– За что это вы тогда испачкали бедную птицу, Алдиярыч?

– Дело видишь ли в чём... Грач – птица смышленная, однажды насытившись, лишнее добывать не будет. А этот сегодня испачкался. Эти пернатые на людей в чём-то похожи, если вдруг перепачкаются, то больше уже никого и никогда к себе не подпустят. Так и проживут в одиночестве, в отбросах ковыряясь и копошась, пока не подохнут. Вычищать себя будут до самой смерти. Вплоть до каждого перышка. Эх, с этой грачихой оставим мы с тобой сейчас эту гору вообще без живности, тещу твою разэдак. У тебя глаза на месте, хоть что-нибудь видят?

Харитон только сейчас заметил, что на вершине скалы, расположенной в центре долины и окруженной со всех сторон водой, на самой вершине, поводя закрученными в плавную спираль рогами и втягивая воздух, стояли, неподвижно застыв на месте, крупные архары. Чуть ниже паслись с десяток мелких и крупных особей. Вглядевшись, признал. Точно такого же, когда они обходили озеро Лобнор, подстрелил его начальник, а затем отправил чучело животного в Санкт-Петербург – для показа на выставке. Харитон ажно подскочил от радости:

– Марко... Марко... Это же козлы Марко Поло!

– Козлы?! Какие козлы? Ты дурак, что ли?! Это же обычный горный архар!

– Архар так архар. Его высокоблагородие Николай Михалыч так именно и назвал его – «Козел Марко Поло», когда этого зверя добыл в прямо в окрестностях Усть-Каменной крепости. Вы бы видели, как питерские зеваки, да еще лоботрясы, понаехавшие из Европы, гоголем ходили в своих париках вокруг чучела, от одного вида которого у них челюсти нижние от удивления отвисли, нет, скорее, от его больших, почти до двух метров в длину, закрученных в спираль с окончаниями наружу и вверх мощных рогов.

– Какие такие рога, мать твою? Я целые горы этих рогов могу тебе подарить, шурячок ты мой ненаглядный. У нас в Чиликтах с этих рогов целые скотные двory строят.

«И стоило переться за тысячи верст на Тибет, чтобы лишь только увидеть и открыть миру этого козла, когда он целыми табунами пасется на горных склонах в окрестностях Усть-Каменогорска», – подумал Харитон, но тут же прогнал эту крамольную для себя мысль.

3

С восточной стороны гора обрывалась крутосклонным оврагом. Края его были покрыты осыпью, испещренной множественными следами диких коз. Перейти на противоположную сторону было проблематично, вокруг везде была трясина.

– Ну вы же охотник, Мырзаш Алдиярович...

– Э, да какой с меня охотник? Зачем мне охота, когда жирные лошади жирных баев-богачей пасутся рядом под рукой? Незачем мне, сбивая ноги жеребца, скакать как дураку за этими дикими козами... тещу твою за ногу.

– Тогда зачем... Зачем, Мырзаш Алдиярович, мы приперлись туда, где Макар телят не пас?

– Так ты до сих пор не понял, что ли, тещу твою за ляжку? Ты не слышал ли про Аблайкит... да, да, той самой Калмаккорган? Между прочим, твои предки его построили. Там еще храм стоит. А, каково это тебе? Как же там его твои бородатые называют? Молельней... Да, да, молельней зовут. Люди, между прочим, твои паршивые родственники, возвращавшиеся с дальней дороги, приносили там жертвы духам своих предков. Неужели не хочешь туда попасть, тещу твою за ляжку?!

«Мо-лель-ня?» Харитон только сейчас понял, что подразумевал под этим словом проводник. Монастырь... Кто бы мог подумать, что в окрестностях русских военных крепостей, сплошь заселенных православным людом у берегов Иртыша, стоит древний монастырь. Конечно же, он хотел туда попасть, о чём же еще может быть речь. «Ну и черт с ним, что на пути к нему пролегает этот овраг», – подумал он и решительно направил коня через болотину.

Лошади, преодолев вязкую грязевую воду, доходившую порой им до самого брюха, с надрывным ёканием вскарабкались вверх по осыпи. Из лугов, густо поросших высокими росными травами, то тут, то там вспархивали вспугнутые

ими рябчики. Вспарывая крыльями прозрачный воздух, они с шумом разлетались в разные стороны. Лошадь разок-другой испуганно шарахалась то в одну, то в другую сторону, из-за чего он чуть не вылетал из седла. С горной вершины слетели вниз вспугнутые дикие голуби – обычные горлинки. Сидя, нахохлившись, на гранитном уступе, за всем происходящим вокруг тяжелым зорким взглядом наблюдал одинокий беркут. Его явно заинтересовало, чем же были согнаны со своих мест мелкие пернатые собратья. И птицы, и звери словно чувствовали, что в священных местах никогда не прозвучат выстрелы. Вот, наконец, в поле его зрения оказались приближающиеся с левой стороны оврага, подсвеченного краснеющим солнцем, верховые. Скалы покрылись отблесками зарева заката. Земля под копытами коней была выстлана гранитом. Карабкаясь по гранитным уступам, задыхаясь, они наконец достигли вершины. Одинокий беркут, сидевший на вершине, лениво махая крылом, поднялся ввысь и полетел на юг.

Открывался прекрасный вид на долину, обрамленную с востока и с юга хрустальными озерами. Только с севера картина обрывалась крутыми оврагами. По краю обрыв был обложен каменной кладкой. Явственно было видно, что сделано это с такой целью, чтобы кучка воинов в случае опасности могла противостоять превосходящим силам врага. Настоящая природно-рукотворная крепость. На стенах пещер остались следы многочисленных костров. Здесь стояли многие дни и годы караулы, зорко охраняя покой крепости.

Огромные, покатые, размером с юрту валуны были утыканы круглыми углублениями. В них, как слезы неба, обычно собиралась вода. От малейшего дуновения ветерка прозрачайшая поверхность их покрывалась рябью. Проводник зачерпнул широкими ладонями воду. Жадно выпил.

– Вода, вода... всю дорогу ныл неустанно. Вот и пей её сколько влезет, до самой смерти. Чего стоишь? – незлобиво ворчал себе под нос Мырзаш.

Вода, нагретая солнцем за день, была тепловата, но очень вкусна.

– Теплая, – сказал Харитон, обтирая жирные губы.

– Это же дождевая вода. Подарок неба, как ей не быть теплой. Хочешь ледяной? Тогда испробуй вот этой! – позвал его проводник и, кивнув головой, указал взглядом на камень, темнеющий в ложбине.

Он спустился немного вниз и увидел черную-черную, прозрачную, настоянную на тишине и в тени воду.

– Хе, так чем же я её зачерпну, Алдиярыч? Посуды-то нет у меня.

– О, шурячок, было бы желание, а посуда найдется. Это у тебя ничего не найдется, даже мозгов в твоей дырявой башке, – похохатывая, с безобидным укором говорил ему Мырзаш, а сам тем временем снял свой широкий матерчатый пояс, утопил его в воде, затем, проворно достав, ловко выжал его прямо в свою флягу.

– Фу, как вы будете пить эту вонючую воду, Мырзеке?

– Сам ты вонючий, скотина облезлая. Совсем ничего не видишь?

В уголке черного природного резервуара, словно прибитая к месту, неподвижно застыла крупная рыба. «Карась, небось», – подумал Харитон.

– Да, твои родственнички были еще те прохиндеи. Когда они настолько объедались жирной конины, что даже самые лакомые куски в рот уже не лезли, вот тогда ловили такую, как эта, лоснящуюся рыбу и жарили её на растительном... а может... на рыбьем жире. Эх... Какое же это истинное блаженство... хотя мы, казахи, не так уж охочи на этих лягушек с болота. Разве ты не видишь, что ли, ведь это прикормленная, ручная рыба? Они, твои родственнички, видать, её, зараза, прямо здесь и разводили.

Харитон с большим сомнением отнесся к его словам. Такое он видел разве что только на Лобноре в монастыре Чортэнтан, где монахи разводили ручных фазанов и рыб. Даже его начальник, при слове «охота» принимавший стойку, как хорошая охотничья собака, и чуть ли не сходявший с ума... даже он любил послушать длинными вечерами причудливые переливы фазаньей переключки.

До сих пор он не может забыть Лобнорское путешествие и маленький островок посреди озера Кукунор. Легендами овеяно это чудо-озеро, раскинувшееся на расстоянии всего одного конного перехода от места обитания монахов-лам. Говорят, когда воды всемирного потопа заливали всю земную твердь, сам Всевышний обернулся огромной птицей и, зацепив когтями большую скалу, сбросил её прямо посреди озера. Так он закрыл огромную дыру в тверди земной, из которой потоками прорывалась вода, и спас всё живое. А вокруг этой брошенной Создателем скалы образовалось большое озеро.

4

Харитон посмотрел по сторонам. На востоке раскинулась необозримая водная гладь, воды было много, очень много. А прямо посреди этой водной стихии торчала одинокая красная скала, будто и вправду та самая скала, брошенная сюда самим Всевышним.

– Вниз... разве мы не спустимся вниз, Мырзаш Алдиярыч?

– Не спустимся, негодник. Не хочу я себя испоганить, ступив на место это нечестивое. Ты бы видел дома русских в Устькамане. Откудова, ты думаешь, взяты были затесанные камни, из которых сложены их стены? Отседова, из этого самого места, тещу твою за ноги да об пол.

– А что, кроме русских, камни больше никому не нужны, Мырзеке?

– Почему не нужны? Частенько мне приходилось слышать, что торе-чингиды своим умершим предкам мазары возводят из этого камня. А наши казахи уважают и чтят духов предков и обходят это место стороной.

– Выходит, по-вашему торе не казахи, что ли?

– А пес его знает. У торе родни не бывает, так, по крайней мере, сведующие люди утверждают.

Между каменной кладкой кургана, прямо посредине, показались остатки ворот.

Они не спеша поехали вдоль забора, высотой достигающего в некоторых местах роста всадника, и приблизились к воротам. Сложенный из жженого кирпича забор. При виде этого забора Харитону на память пришли узоры больших храмов, выложенные точно из такого кирпича. Как бы ни были они высоки, как бы ни были искусны заборы, но двери у них были всё же из дерева.

– Видишь, вон там, у подножия той горы яму? – спросил коренастый казах, протянув руку куда-то в сторону. – Там камни добывали. А сюда таскали на тачках. Тут лежит прорва красных камней, бери не хочу, а они оттуда таскали черный камень, придурки... тещу твою растудыть до самых пяток. А железа-то было хоть отбавляй.

Не спеша привязав лошадей к железной двери, они поднялись по каменным ступеням на отвал. Было видно, что земляная насыпь, разрушившись, обвалилась с одной стороны внутрь. И по форме очень напоминала казан. Земляной казан. В яме, на дне казана – остатки углей, вокруг – остатки пепла.

– Железо плавил в этих печах, негодники... Эй, да что там говорить, а твои предки тоже не лыком были шиты. Видишь, во-о-он то место между горами? Там плотина была. Пока она стояла, вся низина водами Талдыбулака заполнялась и поднималась до подножия этой горы. Ты думаешь, камни эти так сильно источены, изъедены сами по себе, что ли?

На пути к каменной кладке, по выбитой лестнице то там, то тут были рассыпаны черные камни. Валялся красный жженный кирпич. Остатки каменной кладки. Время пощадило и оставило в более-менее сохранившемся виде только входную группу полуобвалившегося храма. Обыкновенная железная дверь. То ли от того, что её давно никто не открывал, то ли от радости встречи дверь звонко скрипнула, когда толкнули её руками. От неожиданности коренастый казах отскочил в сторону.

– Добро пожаловать, Мырзеке?

– Да нет... Что-то не хочется... – с расширенными от испуга глазами сказал проводник. – Что-то живот закрутило.

И с той и с другой стороны вроде как загон для лошадей. Ан нет, стена с одной стороны порушена, скорее всего, здесь была конюшня. Точно. Повсюду лежал рассыпавшийся в прах конский навоз. Штукатурка на обветшавших стенах основательно потрескалась и осыпалась, стены же были полностью испещрены надписями. Большею частью матершинными словами на русском. Местами еще сохранились следы от древних подставок, выбитых в стене. Виденные им подобные вставки в Лобноре содержали, как правило, изображения Будды. Маленькие, вылитые из чистого серебра различного размера статуэтки Будды.

Скрестив руки на груди, Харитон медленно брел по каменному полу и беззвучно шевелил губами, читая полустершиеся надписи: «Ом-мани-падмэ-хум»...

Вдруг в дверном проеме показалась огромная голова коренастого казаха. Осторожно ступая по ступенькам, он подошел к Харитону и присел возле него на корточки.

– Я бы не советовал тебе заходить сюда, шурячок.

– Буд-да... Бу-дда...

– Какая будда?

– Вон в тех проемах... должен был стоять Будда, – сказал дрожащим от волнения голосом Харитон.

– Какой проем?! Какой Будда, мать твою?! – вспылил Мырзаш, ничего не понимая. Но на всякий случай попятился назад и пулей вылетел из помещения. – В таких местах не Будду, а скорее шайтана встретишь! Шайтана!

Уткнувшись взглядом в землю, коренастый казах сел на коня и наконец-то обрел дар речи:

– Я-то думал, ты наш... думал, что наш. Откуда же ты такой взялся на мою голову, охальник окаянный?

– Мырза Алдиярыч, а вам известно, что есть статья, запрещающая выступать супротив казенного служащего? Тем более материться.

– Какой казенный служащий, тещу твою за ногу? Какая еще статья, сволочь? Я думал, ты клад с сокровищами ищешь... а ты, о казне талдыча, оказывается, нарочно зубы мне заговаривал. Иди-ка на хрен отседова, прочь от меня, тебе говорю!

От его истошного, гневного крика тобет, который всё это время плелся за ними по пятам, не отрывая своих верных и преданных глаз от хозяина, отбежал в сторонку.

– За домом кто-то есть, – вдруг зашептал коренастый казах, обратив внимание на странное поведение пса. – Ты знаешь, почему я тебя сюда притащил, мой дорогой шуринок? Здесь спрятан тайник... Не тот, о котором ты мне все уши прожужжал, а самый настоящий, с сокровищами. Смекаешь?

Он перешел на почти беззвучный шепот, ажно зашипел:

– Давеча нарисовался здесь один твой толстопузый сородич, толстопузый с глазами-щелками. Хотя и толстенный, а росточку – от горшка два вершка.

Сам желтый-прежелтый, а глазенки синие-пресиние, так и бегают по сторонам, зыркают, что-то высматривая. Как же его звали?.. Надо же, жалость какая, за-памятовал... Всё время меня, как и ты, донимал своим обращением «мырза» да «мырза», все мозги вынес. В руках у него карта была. Нарисованная... Деда его... Ах, да, оказывается, прадед его в каком-то одном из семи колен ведал казенными делами при тайши Аблае, того самого хозяина этих мест. Вот видишь эту яму, это я... нет, мы с ним выкопали.

– Чего-нибудь нашли, Мырзаш Алдиярыч?

– Тсс-с-с. За домом кто-то есть, – снова шепотом зашипел Харитону ко-ренастый казах, бросив настороженный взгляд на бредущего вслед за ними тобета. Затем вдруг Мырзаш усмехнулся чему-то одному ему ведомому и про-должил: – Эх, ежели я бы что-то нашел... то разве ходил бы сейчас, как ты, на поводке у твоего толстопузого начальника? Бегал бы разве за ним по пятам, как ты, тещу твою разэдак?! Лежал бы я себе сейчас на боку, почесывая брюхо и проедая приданое жены... Ладно. Ладно. Да не тарасься ты на меня так злобно, шурячок. Видишь во-о-о-он ту чернеющую воду на вершине горы? Вишь, как она спряталась от чужих взоров меж скал... как ящерица... Да, да, видишь, как бы спряталась.

Харитон долго смотрел в сторону озера на вершине горы. Перед взором Харитона предстало сотворенное фантазией Вседержителя, как изогнутая ле-бединая шея, зеркало озера Кукунор и как бы вонзенное в него ровнехонько прямо посерединке кусьмище черной скалы. Черная вода на вершине горы. Соз-данное самой природой хранилище воды. Дальше легче. Ясно же ведь, что этот проводник-казах вряд ли знает легенду озера Кукунор. Или же... знает?

– А храм? Где же храм?

– Какой на хрен храм, говорю же, это – настоящая русская конюшня, а ты, несчастный, не веришь. Военные приехали верхом на конях. Сами жили в ша-тре у лам, а в этом прохудившемся сарае держали своих коней. А ты всё талды-чишь Будда, Будда... Говорят, они меняли этого Будду на ведро самогону-перва-ча. Вот так, значит.

– Когда, кому променяли статуэтки... часом не помнишь, Мырзаш Алдия-рыч?

– Почему это я не помню, шурячок... Где ж, дай бог памяти, я его видел? Ах, да, в прошлый раз в Тайынтах, у дружка Матвея в доме, кажись, видел.

– Да буду вашим рабом навеки, помогите мне найти и заполучить хоть одну из этих статуэток. Рабом вашим навеки стану, ежели найдете хотя бы одну из этих статуэток, мой господин...

– Раб? Какой такой раб? Ты нас не путай с русскими, мать твою. Где же это ты, сукин сын, видел казаха, державшего у себя раба. Не зря ведь говорят: «Если сам себе не хозяин, кому ты можешь быть поводырем»? Да иди ты к чер-ту со своей преклоненной шеей... Ладно. Ладно... А ты лучше убери-ка от греха подальше свое ружьишко, шурячок... а я тебе двух Будд, даже трех найду.

Вскоре, покинув лежащую у подножья горы молельню Аблайкит-Калмак-корган, двое всадников легкой рысью поскакали в сторону Таинты.

Продолжение в № 10, 2024.